

РАЗВОД В 50:

ИЗМЕНА В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

МАГИССА

Магисса - Развод в 50: Измена в Прямом Эфире

<https://litres.ru/74535518>

Аннотация

- Муж изменяет вам, - сказала женщина в прямом эфире.

Я хотела ответить ей спокойно и профессионально. Хотела напомнить, что подозрение еще не доказательство, а чужой шепот за стеной иногда оказывается всего лишь шумом.

Но в моих наушниках в этот момент дышала любовница моего мужа.

Олег был с ней в соседней студии. С молодым продюсером моей передачи. Он просил ее надеть красные наушники, повторить фразу, которую много лет говорил только мне, и записывал ее голос.

Я думала, что переживаю обычную измену. Ошиблась.

Мой муж не просто коллекционировал любовниц. Он коллекционировал женские признания, тайные звонки и слова, которые можно смонтировать так, чтобы они превратились в угрозу или приговор. А мой честный голос много лет был его лучшим прикрытием.

Теперь мне предстоит узнать, кем он был до нашей встречи, почему погибла женщина из его прошлого и что именно я должна сказать в юбилейном прямом эфире.

В тексте вас ждут:

- Измена мужа с молодой любовницей прямо на рабочем месте - Живая героиня 50 лет, которая не прощает предательство
- Ночной радиоэфир, анонимные звонки и опасные семейные тайны - Умный, обаятельный и по-настоящему пугающий муж
- Эротизм 18+, взрослое желание и болезненная ревность - Любовница, чья история сложнее, чем кажется - Новый мужчина, который умеет слушать и сам попадает в опасность - Развод без затянутых судебных тяжб - Шокирующие повороты и финальное признание в прямом эфире

Содержание

Глава 1. Открытая линия	5
Глава 2. После сигнала	19
Глава 3. Красные наушники	34
Глава 4. Чистый монтаж (Олег)	47
Глава 5. Женщина без имени	62
Глава 6. Право на ревность	77
Глава 7. Пауза в двадцать два года	92
Глава 8. Дом, где все слышно	106
Глава 9. Снегирь	119
Глава 10. Голос на пленке	132
Глава 11. Чужое алиби	146
Глава 12. Дочь погибшей женщины	154
Глава 13. Мой голос признается за меня	162
Глава 14. Никаких союзниц	170
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Глава 1. Открытая линия

- Муж изменяет вам, - сказала женщина в прямом эфире.

Красная лампа над дверью студии горела ровно, без мигания. Передо мной на темной столешнице лежали три распечатанных письма, стакан воды и карандаш, которым я обычно делала пометки, пока слушала звонящих. За стеклом аппаратной Тимур сидел у пульта, подперев щеку кулаком. На часах было двадцать две минуты одиннадцатого, и до рекламной паузы оставалось чуть меньше пяти минут.

Женщина назвалась Надеждой. Голос у нее был уставший, но не плачущий. Такие голоса я знала хорошо. Они принадлежали людям, которые уже несколько ночей не спали, все возможные объяснения придумали сами и теперь хотели услышать от постороннего человека не совет, а разрешение поверить собственным глазам.

- Почему вы так решили? - спросила я.

- Он стал мыть машину по субботам.

Я посмотрела на Тимура. Он поднял брови, но улыбаться не стал. В нашей работе быстро учишься не смеяться над странными деталями. Иногда семейная катастрофа действительно начинается не с помады на воротнике, а с внезапно чистого автомобиля.

- Раньше не мыл?

- Раньше говорил, что машина существует для него, а не

он для машины. А теперь каждую субботу уезжает на мойку и возвращается часа через три. В салоне пахнет не химией, а женскими духами. Сладкими такими. И пассажирское сиденье отодвинуто.

Надежда сделала короткий вдох, будто именно сиденье было самым непристойным доказательством.

- Вы спрашивали его прямо?

- Конечно. Он сказал, что я начиталась глупостей в интернете. Потом принес торт.

- Хороший?

- Торт?

- Да.

Она неожиданно фыркнула.

- Слишком сладкий. Я такие не люблю. Он любит.

- Значит, пока у нас есть чистая машина, чужой запах, отодвинутое кресло и торт, который ваш муж купил скорее себе, чем вам. Этого достаточно, чтобы задать вопросы. Но еще недостаточно, чтобы вынести приговор.

Я говорила спокойно, как говорила сотни раз. Не потому, что считала себя мудрее Надежды, а потому, что в эфире чужая паника не должна становиться громче от моего голоса. Люди звонят ночью именно за тем, чтобы кто-то подержал край их реальности, пока они сами не могут.

В наушниках тихо щелкнуло.

Такой звук бывает, когда открывается служебная линия из соседней студии. Обычно Тимур предупреждал меня же-

стом. Студия Б использовалась для записи рекламы и подкастов, и иногда мне давали послушать фрагмент, который нужно было объявить после паузы.

Я взглянула на аппаратную. Тимур отвернулся к боковому монитору и что-то быстро печатал. Зеленая кнопка внутреннего канала на его пульте не горела.

В левом наушнике слышалось дыхание.

Не Надежды. Ее голос шел по центру, чуть сжатый телефонной линией. Второе дыхание было близким, теплым, слишком подробным. Человек находился почти у микрофона.

- Лариса? - позвала Надежда. - Вы меня слышите?

- Слышу.

Я потянулась к регулятору громкости, но в наушнике раздался негромкий мужской смех.

У Олега был красивый смех. Не раскатистый и не мальчишеский. Он смеялся низко, будто делился с человеком чем-то отдельным от всех остальных. В молодости я могла узнать этот звук в шумной компании, в коридоре, в телефонной трубке. Через двадцать восемь лет брака мне не требовалось ни секунды.

Пальцы остановились на регуляторе.

- Не торопись, - сказал Олег в левом наушнике.

Я увидела, как карандаш под моей рукой перекатился по столу и уперся в край распечатки.

Надежда продолжала говорить:

- Я ведь не хочу за ним следить. Мне пятьдесят два года, у меня работа, мама после операции, дочь беременная. Я не хочу превращаться в женщину, которая нюхает сиденья в машине.

- И не нужно, - ответила я.

Мой голос прозвучал нормально. Даже слишком нормально.

За стеной что-то мягко стукнуло. Потом женский голос произнес:

- Олег, здесь неудобно.

Милена.

Я сама когда-то сказала Жанне, что у Милены хороший эфирный тембр: молодой, но не писклявый, с легкой хрипотцой на низких нотах. Милена была продюсером моей передачи почти год. Она подбирала темы, читала письма, приносила мне чай, если эфир затягивался, и умела одним взглядом показать, что очередной эксперт говорит чепуху.

Сегодня на ней была темно-зеленая блузка и черные брюки. Я заметила это перед программой, когда она поставила на мой стол папку с письмами и сказала, что зеленый цвет на мне смотрелся бы лучше, чем на ней.

- Зато здесь звук хороший, - ответил муж.

В наушниках слышался шорох ткани. Затем Милена тихо выругалась, уже без своей рабочей, аккуратной интонации.

Я смотрела на Надеждино письмо, хотя букв не видела.

Вверху Милена написала от руки: "Не давить. Она пока не готова услышать ответ".

Мне хотелось сорвать наушники. Встать, открыть дверь студии Б, увидеть все своими глазами и сделать то, что делают женщины в плохих сериалах: закричать, ударить, швырнуть в стену стакан. Но красная лампа горела. Надежда была в эфире. Где-то в Белоярске она сидела на кухне или в машине, держала телефон и ждала, что я отвечу ей честно.

- Что мне делать? - спросила она.

Я сглотнула.

- Сначала решить, чего вы хотите от разговора с мужем. Не от всей жизни сразу. Только от одного разговора.

В левом наушнике Олег сказал:

- Надень их.

- Опять?

- Мне нравится, когда ты в них.

Я медленно повернула голову к внутреннему окну между студиями.

Обычно стекло студии Б закрывала серая акустическая штора. Сейчас она была сдвинута не до конца. Оставалась щель шириной с ладонь. Из моего кресла было видно часть комнаты: край стойки с винтажным ленточным микрофоном, желтый свет настольной лампы, угол дивана.

И Милену.

Она стояла спиной к стеклу. Зеленая блузка была расстегнута и сбилась на плечах. Олег находился перед ней, слиш-

ком близко, чтобы это можно было назвать рабочей записью или случайным прикосновением. Его ладонь лежала у нее на поясице под тканью блузки. Другой рукой он держал красные студийные наушники.

Такие наушники когда-то стояли в нашей домашней спальне на полке рядом с проигрывателем. Олег любил включать музыку и надевать их на меня, чтобы я не слышала ничего, кроме выбранной им композиции и собственного дыхания. Потом они исчезли. Я решила, что он отнес их в студию.

Оказывается, так и было.

Тимур наконец посмотрел на меня. Я подняла указательный палец и показала вниз, требуя убрать посторонний канал. Он нахмурился, проверил пульт, развел руками. Зеленая кнопка по-прежнему не горела.

- Лариса, вы замолчали, - сказала Надежда.

- Я думаю.

- Это хороший знак или плохой?

- Для радио плохой, - ответила я. - Для разговора иногда полезный.

Она снова тихо рассмеялась. Я услышала в ее смехе благодарность и почувствовала почти физический стыд. Женщина доверяла мне свою боль, а я в этот момент наблюдала, как мой муж проводит большим пальцем по обнаженной спине моей продюсера.

Милена надела наушники.

Олег поправил их на ее голове с внимательностью человека, который устанавливает дорогой прибор. Потом наклонился к микрофону и проверил уровень на маленьком переносном рекордере. Красный огонек записи загорелся.

- Скажи, - произнес он.

Милена что-то ответила, но я не разобрала.

Олег прижал губы к ее шее. Она выгнулась, ухватила пальцами за край стойки. Черные брюки оставались на ней, но ремень был расстегнут. Мой муж не спешил. Он никогда не спешил, когда хотел показать, что время принадлежит ему.

- Скажи правильно, - повторил он.

Милена закрыла глаза.

- Я звучу только для тебя.

Комната качнулась, хотя я сидела неподвижно.

Эту фразу Олег придумал в первые годы нашего брака. Он говорил ее шутливо, когда я возвращалась после эфира охрипшая и возбужденная работой. "Для города у тебя один голос, Лара. А так ты звучишь только для меня". Иногда шептал в постели, когда мои волосы липли к лицу, а я просила его не останавливаться. Фраза была немного смешной, немного пошлой и нашей.

До этой минуты.

- Лариса, - сказала Надежда. - Вы считаете, я дура?

- Нет.

Ответ получился резче, чем я хотела.

- Простите.

- Не извиняйтесь. Вы не дура. Вы заметили перемены и пытаетесь понять, что они значат. Глупо было бы убедить себя, что ничего не происходит, только потому, что правда может оказаться неприятной.

Мои собственные слова вошли в меня тонким лезвием.

На экране передо мной мигнула надпись: "До рекламы 00:01:12".

Я посмотрела в аппаратную и показала Тимуру на левый наушник. Он снял свои, подключил резервную пару, резко выпрямился. Теперь он тоже слышал.

Его лицо стало красным.

Он потянулся к тумблеру, но я покачала головой. Если канал шел не через его пульт, резкое отключение могло задержать эфирную линию. До рекламы оставалась минута. Я не собиралась дарить Олегу возможность потом объяснить все технической ошибкой, которую никто, кроме меня, не слышал до конца.

- Надежда, - сказала я. - Не начинайте разговор ночью, когда вы оба устали. Не спрашивайте так, чтобы он мог ответить только "да" или "нет". Скажите, что именно изменилось и что вы при этом чувствуете. А потом слушайте не только слова.

- А что еще?

В студии Б Милена застонала, уже не стараясь говорить тихо. Звук ударил прямо в левое ухо. Я увидела движение

Олега, его пальцы на ее бедре, белую кожу между краем блузки и поясом брюк. Это было не романтическое прикосновение и не двусмысленный флирт. Мой муж делал с другой женщиной то, что еще на прошлой неделе делал со мной.

И записывал.

- Паузы, - ответила я. - Иногда человек готовит слова заранее. А паузы не успевает.

Тимур закрыл лицо ладонью. На экране осталось десять секунд.

- Спасибо, - сказала Надежда. - Мне почему-то стало страшнее. Но легче.

- Это бывает вместе.

Я объявила рекламную паузу. Джингл передачи заиграл вовремя, бодрый и совершенно неуместный. Красная лампа погасла.

Я сорвала наушники.

- Что это? - спросила я у Тимура через стекло.

Он нажал кнопку внутренней связи.

- Не знаю. Клянусь, Лариса Викторовна, я не открывал студию Б. У меня канал закрыт.

- Закрой его везде.

- Он не у меня. Сигнал идет по служебной шине напрямую.

Я встала. Ноги держали, хотя колени стали неприятно пустыми. До конца рекламного блока оставалось две с половиной минуты.

Можно было успеть дойти до соседней двери.

Можно было успеть сделать очень многое, о чем потом пришлось бы жалеть.

Я посмотрела на стекло. Милена сняла наушники и повернула голову. На секунду наши взгляды встретились через узкую щель между шторой и рамой.

Она увидела меня.

Ее лицо изменилось. Не испугалось, не побледнело, как в кино. Милена просто перестала быть расслабленной. Рот закрылся, плечи напряглись. Она быстро застегнула блузку и что-то сказала Олегу.

Он не повернулся к окну.

Вместо этого Олег нажал кнопку на рекордере, остановил запись и провел ладонью по волосам Милены, будто успокаивал ее после сложного дубля.

Потом серая штора задвинулась.

- Лариса Викторовна, - позвал Тимур. - Через сорок секунд возвращаемся.

Я села.

Перед глазами лежал стакан воды. Я сделала глоток. Вода была комнатной температуры и ничем не пахла. Это почему-то помогло сильнее, чем если бы она оказалась ледяной, целебной или любой другой, подходящей для красивой сцены.

Я поправила микрофон.

Красная лампа загорелась снова.

- Вы слушаете "После десяти", - сказала я. - Сегодня мы говорим о моментах, когда привычное объяснение перестает нас устраивать.

Следующий звонок был от мужчины, который не знал, как помириться с взрослым сыном. Потом позвонила женщина, поссорившаяся с сестрой из-за ухода за пожилой матерью. Я отвечала, задавала вопросы, вовремя называла музыку и ни разу не посмотрела на студию Б.

Олег в эфир не вошел.

Милена тоже не появилась.

Передача закончилась ровно в полночь. Я произнесла обычную финальную фразу, пожелала слушателям спокойной ночи и дождалась, пока погаснет лампа.

Только после этого позволила себе отодвинуть кресло.

Тимур уже вышел из аппаратной. Он был молод, но не настолько, чтобы не понимать, что увидел. В руках у него осталась кружка с остывшим кофе.

- Лариса Викторовна, я...

- Не надо.

- Я могу проверить маршрутизацию сигнала.

- Проверь. И сохрани все логи за сегодняшний вечер.

- Конечно.

Он хотел сказать что-то еще, но передумал. За это я была ему благодарна.

Дверь студии Б открылась.

Первой вышла Милена. Блузка была застегнута неровно:

одна пуговица попала не в ту петлю, поэтому край ткани поднимался выше с левой стороны. На губах не осталось помады. В руке она держала телефон и красные наушники.

За ней появился Олег.

На нем были темные брюки и светлая рубашка с закатанными рукавами. Верхняя пуговица расстегнута, волосы чуть растрепаны. Он держал маленький рекордер, тот самый, на котором горел красный огонек.

Мой муж посмотрел на меня без растерянности.

- Лара, - сказал он. - Ты уже закончила?

Вопрос был настолько обычным, что на мгновение я почувствовала себя человеком, который ошибся дверью в собственную жизнь.

Милена опустила взгляд.

- Да, - ответила я. - Уже.

Олег перевел глаза на Тимура.

- Хороший эфир?

Тимур поставил кружку на ближайший стол.

- Вам лучше спросить Ларису Викторовну.

- Спрошу дома, - спокойно сказал Олег.

Он не подошел ко мне и не попытался поцеловать. Просто убрал рекордер в карман, взял у Милены красные наушники и направился к лестнице.

- Олег, - позвала я.

Он остановился.

Я могла спросить: "Как долго?" Или: "Почему она?" Или

даже: "Ты совсем сошел с ума?"

Вместо этого я сказала:

- Линия из студии Б была открыта.

Милена резко подняла голову.

Олег посмотрел на меня внимательнее. Пауза длилась меньше секунды, но теперь я слушала не только слова.

- Значит, у Тимура проблемы с пультом, - произнес он. - Разберемся.

Он пошел дальше.

Милена осталась еще на мгновение.

- Лариса...

- Не сейчас.

Она кивнула и поспешила за ним. Ее каблуки быстро простучали по коридору, потом хлопнула дверь на лестницу.

Я вернулась в студию. На столе мигал экран внутреннего телефона. Линия два.

- Наверное, Нелли, - сказал Тимур. - Она еще в операторской.

Я сняла трубку.

- Студия. Лариса Веденеева.

Сначала никто не ответил. Я слышала легкий шорох, будто женщина на другом конце прикрывала микрофон ладонью.

Потом незнакомый голос произнес:

- Спросите мужа, почему все его женщины говорят одним голосом.

Связь оборвалась.

Глава 2. После сигнала

- Перезвони на линию два, - сказала я.

Тимур стоял в дверях студии, все еще держа кружку с остывшим кофе. Он не сразу понял, что я обращаюсь к нему. Потом поставил кружку на столик у стены и вернулся в аппаратную.

- Это внутренняя линия, - отозвался он через связь. - На нее нельзя перезвонить, если звонок пришел извне через коммутатор.

- Тогда найди запись.

Я положила трубку и посмотрела на экран телефона. Зеленый прямоугольник рядом с цифрой два погас. Никакого номера, имени или отметки о переводе вызова не было. Только часы в правом верхнем углу показывали пять минут первого.

В студии после эфира всегда становилось немного неудобно. Пока горела красная лампа, маленькая комната казалась центром чьей-то жизни. Когда свет выключался, оставались пыль на краю монитора, смятая бумага и микрофон, которому уже нечего было слушать. Сегодня помещение выглядело не пустым, а испачканным.

Я сняла наушники и положила их на стол. Не бросила, хотя хотелось. Они ни в чем не были виноваты.

Тимур щелкал мышью, открывал окна программы, хму-

рился. На одном мониторе бежал список сегодняшних звонков: время, длительность, псевдоним, отметка оператора. Надежда была. Мужчина с взрослым сыном был. Женщина, поссорившаяся с сестрой, была.

Последнего звонка не существовало.

- Может, Нелли перевела напрямую и не внесла? - спросил Тимур.

- Позови ее.

Нелли вошла через минуту, на ходу собирая в клубок серую пряжу. В ночную смену она вязала носки для всей семьи и утверждала, что это лучше помогает не ругаться на звонящих, чем дыхательные упражнения. На ней был широкий синий свитер, волосы собраны в хвост, очки висели на цепочке.

- Я никого не переводила, - сказала она, выслушав нас. - После полуночи линии закрыла. У меня только одна женщина пыталась дозвониться, но положила трубку до ответа.

- Когда?

Нелли заглянула в свой журнал.

- В ноль часов две минуты. У нее номер определился, начинается на девятьсот двадцать семь. А к тебе никто не шел.

- Покажи.

Мы прошли в операторскую. В ней пахло мятными леденцами и разогретой в микроволновке гречкой. На столе Нелли стоял пластиковый контейнер с недоеденным ужином, рядом лежала спица. Обычная рабочая ночь, в которой мой муж

только что трахал мою продюсера за стеной, а неизвестная женщина предупредила меня о других.

Я не любила это слово. Оно казалось грубым, нарочно унижающим всех участников. Но более мягкие слова не подходили. Не "увлекся", не "сблизился", не "совершил ошибку". Ошибкой можно назвать чужой зонт, взятый в гардеробе. Олег знал, что делает. Милена тоже.

Нелли открыла журнал входящих. Звонок в ноль часов две минуты действительно был. Длился четыре секунды. До внутренней линии два он не доходил.

- Может, кто-то позвонил из здания? - предположила она.
- Из рекламного отдела, например.
- В рекламном отделе ночью никого нет.
- Уборщица?
- Уборщица не знает, как устроена моя семейная жизнь.

Нелли посмотрела на меня поверх очков. Она не была любопытной женщиной, что для оператора ночной передачи почти подвиг. Но даже она заметила, что разговор идет не о технической неполадке.

- Лариса Викторовна, у вас неприятности?
- Похоже на то.
- Большие?

Я вспомнила расстегнутую зеленую блузку, красные наушники на голове Милены и ладонь Олега у нее под тканью.

- Пока не знаю размер.

Нелли кивнула так, будто это был разумный ответ, и вер-

нулась к журналу.

- Я могу выгрузить список до утренней очистки.
- Выгрузи, пожалуйста. И никому об этом не говори.
- Я работаю с женщинами, которые звонят под именами "Ласточка", "Ночной кактус" и "Усталая мать троих". Если бы я не умела молчать, меня бы давно выбросили в Волгу.

В другой вечер я бы улыбнулась. Сейчас только поблагодарила ее.

Тимур ждал меня у студии Б.

Дверь была открыта. Желтая настольная лампа продолжала гореть, хотя все остальные источники света выключили. На диване лежала небольшая декоративная подушка, смятая посередине. Винтажный микрофон стоял на стойке. Красных наушников и рекордера не было.

Я вошла внутрь.

Студия Б была знакома мне много лет. Здесь я записывала рекламные тексты, праздничные заставки, объявления о городских ярмарках и один особенно нелепый ролик для магазина сантехники, где от меня требовали произнести слово "смеситель" соблазнительным шепотом. Мы с Олегом потом смеялись весь вечер.

Теперь я смотрела на диван и пыталась не представлять, насколько далеко они успели зайти.

- Служебная линия включается вот отсюда, - сказал Тимур.

Он показал на маленький пульт у микрофона. Одна кноп-

ка была подсвечена тусклым синим.

- Это мониторинг студии А. Если нажать, ведущий слышит, что пишется здесь. Обычно мы используем его при синхронной записи, когда вы должны дать комментарий.

- Значит, линию открыли из этой комнаты?

- Получается, да.

- Случайно?

Тимур присел у пульта, проверил кнопку.

- Ее надо нажать пальцем. Она не сенсорная и не залипает. Случайно можно, если положить сверху папку или сесть на пульт, но тут ничего не лежало.

Я посмотрела на него.

- Олег знает, что делает эта кнопка?

Тимур замялся.

- Он эту систему настраивал.

Ответ был очевидным, но мне требовалось услышать его вслух.

- А Милена?

- Продюсерам показывают основные функции. Не уверен, что именно эту.

На полу возле дивана блеснул маленький круглый предмет. Я наклонилась и подняла пуговицу. Темно-зеленая, обтянутая тканью.

Милена застегнула блузку неправильно не только от спешки.

Я положила пуговицу на край стола.

- Сохрани логи линии, Тимур.

- Уже.

- И не удаляй ничего из сегодняшнего эфира.

- Я не удалю.

Он говорил слишком быстро, будто боялся, что я обвиню его. Я посмотрела на его молодое, несчастное лицо и поняла, что он тоже оказался в чужой постели, хотя ничего для этого не сделал.

- Это не твоя вина.

Тимур выдохнул.

- Спасибо.

- Но если кто-то попросит тебя почистить записи, сначала позвони мне.

- Обязательно.

Милены в здании уже не было. Ее кабинет на первом этаже оказался заперт, свет выключен. Я не стала дергать ручку второй раз.

На улице моросил мелкий дождь. Конец октября в Белоярске редко бывал красивым: темный асфальт, мокрые листья у бордюров, свет аптечной вывески на стене напротив. Возле входа стояла машина Олега. Он сидел за рулем и смотрел в телефон.

Я остановилась под козырьком.

Нашу машину я узнала бы с закрытыми глазами: серебристый седан, небольшая царапина возле задней ручки, которую Олег собирался убрать уже второй год. Он не был чело-

веком, который забывает жену после ночного эфира. Обычно, если приезжал на станцию поздно, ждал и вез меня домой.

Сегодня это выглядело почти издевательством.

Олег заметил меня, убрал телефон и открыл пассажирскую дверь изнутри.

Я не села.

Он вышел сам. Светлая рубашка была аккуратно застегнута, рукава опущены. Волосы он поправил. Только на шее оставалось небольшое красное пятно, которого утром не было.

- Лара, ты промокнешь.

- Где Милена?

- Уехала.

- С тобой?

- Нет.

- Как удобно.

Олег оглянулся на пустую улицу, потом снова посмотрел на меня.

- Давай поговорим дома.

- Почему не здесь?

- Потому что ты устала, я устал, идет дождь, а обсуждать наш брак у служебного входа радиостанции кажется мне плохой идеей.

Он говорил без раздражения. Именно так Олег убеждал сложных клиентов подписать контракт: сначала перечислял

очевидные факты, потом незаметно добавлял к ним нужный вывод.

- Наш брак уже обсуждали в студии Б, - сказала я. - Без меня.

На его лице мелькнуло что-то похожее на досаду.

- Ты слышала фрагмент записи.

- Я увидела Милену с расстегнутой блузкой. Я увидела твою руку под этой блузкой. Какой именно фрагмент мне нужно было дожидаться, чтобы не делать поспешных выводов?

Он помолчал.

- Садись в машину. Я все объясню.

- Я вызову такси.

- Лара.

- Не надо произносить мое имя так, будто я капризничаю.

Это его задело. Не сильно, но я заметила. Олег привык, что мягкая интонация действует на меня быстрее доводов.

- Хорошо, - сказал он. - Как хочешь. Я поеду домой.

- Прекрасно.

- Ты все равно туда вернешься.

- Это и мой дом.

- Я именно это имел в виду.

Он сел в машину и уехал. Без резкого старта, без театрального визга шин. Мой муж никогда не делал ничего, что могло выглядеть некрасиво со стороны.

Такси приехало через семь минут. Водитель слушал спор-

тивное радио и всю дорогу ворчал на ремонт моста. Я смотрела в окно, отвечала невпопад и думала о звонке.

"Все его женщины".

Не одна. Не Милена. Женщины.

Фраза могла быть злой шуткой. Кто-то на станции слышал открытую линию, понял, что произошло, и решил добить меня. Возможно, сама Милена позвонила из коридора, хотя голос был не похож. Возможно, это была ее попытка сказать что-то, на что не хватило смелости лицом к лицу.

Но почему "говорят одним голосом"?

Я знала, что у Олега были отношения до меня. Мы познакомились, когда мне было двадцать два, ему двадцать шесть. Он не изображал монаха и не требовал от меня невинности. В первые годы брака мы иногда говорили о прошлом, но без имен и подробностей. Потом прошлое стало неинтересным, как старые фотографии людей, которых уже не узнаешь на улице.

Милена не была прошлым.

В квартире горел свет на кухне. Я сняла мокрое пальто, повесила его в прихожей и услышала, как на сковороде что-то шипит.

Олег готовил омлет.

На столе стояли две тарелки, хлеб, помидоры и чайник. Он переоделся в темные домашние брюки и серую футболку. Рубашка, в которой он был в студии, лежала в корзине для белья, но я успела заметить ее край.

- Ты не ела с вечера, - сказал он. - Садись.

- Я не хочу.

- Тебя будет тошнить на пустой желудок.

- От еды или от тебя?

Он выключил плиту и переложил омлет на тарелки.

- От стресса.

- Как заботливо.

- Я действительно о тебе забочусь. Даже когда ты злишься.

Я села не потому, что он велел. Я и правда не ела с шести часов, а мне не хотелось добавлять к унижению еще и слабость от голода. Взяла кусок хлеба, откусила, почти не почувствовав вкуса.

Олег сел напротив.

- То, что ты слышала, было записью для закрытой рекламной кампании, - сказал он. - Клиент делает приложение для пар. Им нужны провокационные аудиосцены. Милена согласилась озвучить тест.

- Тест включал твою руку у нее под блузкой?

- Иногда голос нельзя получить, если человек просто читает текст с листа.

- Поэтому ты расстегнул ей брюки?

Олег посмотрел на меня внимательно.

- Ты видела больше, чем я думал.

- Какая неприятность.

- Лара, я не собираюсь делать вид, что сцена выглядела невинно. Она не выглядела. Мы перешли границу.

- Какую именно?

- Профессиональную.

Я положила хлеб.

- Ты сейчас серьезно пытаешься убедить меня, что ласкал

Милену ради качественного звука?

- Я пытаюсь объяснить контекст.

- Контекст не застегивает чужую блузку правильно.

Он отвел взгляд к своей тарелке. Не виновато. Скорее раздраженно, как человек, которому мешают закончить хорошо подготовленную презентацию.

- Между нами с Миленой возникло напряжение, - сказал он. - Я не отрицаю. Оно было глупым и ненужным. Но ты слышала не роман и не двойную жизнь. Ты слышала момент, который вышел из-под контроля.

- Сколько таких моментов было?

- Один.

Ответ пришел слишком быстро.

- Красные наушники она надела "опять".

Олег взял вилку, хотя не ел.

- Мы записывали тест раньше.

- С тем же напряжением?

- Без физического контакта.

- А сегодня ты решил улучшить качество.

- Сегодня я позволил себе лишнее.

Я смотрела на его руки. Эти пальцы утром резали лимон для рыбы, вечером держали Милену за бедро, сейчас лежали

возле вилки. Никаких чужих следов на них не осталось. В этом и была особая мерзость измены: тело человека возвращается домой тем же самым.

- Почему моя фраза? - спросила я.

- Какая?

- Не делай этого. "Я звучу только для тебя".

Олег чуть нахмурился.

- Это просто удачная фраза.

- Ты говорил ее мне в постели.

- Говорил. Много лет назад. Я работаю со звуком, Лара.

Фразы иногда остаются в голове.

- А потом переходят к молодым продюсерам.

- Милена взрослая женщина. Не называй ее девочкой, которую я обманом завел в студию.

- Я не называла.

Он понял, что оговорился, и впервые за разговор замолчал дольше обычного.

Я съела еще кусок хлеба. Омлет не тронула.

- Кто звонил мне после эфира?

- Откуда мне знать?

- Женщина сказала, чтобы я спросила тебя, почему все твои женщины говорят одним голосом.

Олег не дернулся. Не уронил вилку, не побледнел, не выдал себя удобным жестом. Только посмотрел на меня так, как смотрят на незнакомый предмет, внезапно найденный в собственной комнате.

- Кто-то решил развлечься за твой счет.

- Кто?

- На радио полно людей, которые любят чужие истории больше своих. Тимур слышал линию?

- Да.

- Вот тебе первый кандидат.

- Тимур не умеет говорить женским голосом.

- Он мог попросить кого-то позвонить.

- Зачем?

- Чтобы посмотреть, как далеко зайдет скандал.

- Он выглядел так, будто мечтает провалиться под пульт.

- Ты всегда слишком хорошо думаешь о людях.

Я почти рассмеялась.

- Это ты сейчас говоришь?

Олег вздохнул и отодвинул тарелку.

- Я понимаю, что ты чувствуешь себя униженной.

- Не надо объяснять мне мои чувства.

- Хорошо. Тогда скажи сама.

Я хотела ответить сразу, но слова оказались тяжелее, чем в эфире. Там чужую боль можно было аккуратно разделить на вопросы. Собственная лежала одной бесформенной массой.

- Мне больно, - сказала я. - Мне противно. Я злюсь на тебя, на Милену и на себя за то, что до сих пор хочу услышать объяснение, которое все исправит. И я не верю ни одному твоему слову.

Олег медленно кивнул.

- Это честно.

- Не хвали меня за честность.

- Я не хвалю.

- Ты всегда так делаешь. Когда я говорю что-то неприятное для тебя, ты превращаешь это в хорошее качество моей личности. И разговор заканчивается, потому что я уже будто получила награду.

Он посмотрел на меня с неожиданным интересом.

- Я не знал, что ты так это воспринимаешь.

- Я тоже не знала до сегодняшнего вечера.

На кухне щелкнул чайник. Олег встал, заварил чай, поставил чашку передо мной. Не спросил, хочу ли я. Он знал, что после эфира я обычно пила черный чай без сахара.

Я отодвинула чашку.

- Ты спишь с Миленой?

Вопрос прозвучал просто. Без дрожи, без повышения голоса. Я бы гордилась собой, если бы в этом было чем гордиться.

Олег не ответил.

- Да или нет?

- Ты сама сегодня говорила женщине в эфире, что вопросы с ответом "да" или "нет" редко помогают.

- Не прячься за моими словами.

- Я не прячусь. Я хочу понять, что для тебя будет значить мой ответ.

- Если "да", я буду знать, что мой муж мне изменяет. Если

"нет", я буду знать, что мой муж лжет мне в лицо.

Он поднял чашку, сделал глоток.

- Ты уже вынесла приговор.

- Нет, Олег. Приговор ты вынес сам, когда включил запись.

Его взгляд изменился. Совсем немного, но я увидела. Не страх. Скорее досада на то, что я заметила деталь, которую он предпочел бы оставить за пределами разговора.

- Я не включал служебную линию, - сказал он.

- Я говорю о рекордере.

- Это рабочий инструмент.

- Ты записывал, как Милена говорит нашу фразу, пока трогал ее.

- Лара...

- Ты спишь с ней?

Он поставил чашку.

- Ты правда хочешь, чтобы один звук оказался важнее двадцати восьми лет?

Я смотрела на мужа и впервые за весь вечер поняла, что он не собирается отвечать.

Глава 3. Красные наушники

- Сегодня я буду спать в гостевой комнате, - сказала я.

Олег стоял у кухонной мойки и мыл тарелки после нашего позднего ужина. Часы показывали без четверти два. За окном дождь превратился в мелкую водяную пыль, которая блестела вокруг фонаря во дворе. В квартире было тепло, но я все еще не сняла тонкий свитер, в котором вернулась со станции.

Он не обернулся.

- Если тебе так спокойнее.

- Мне не спокойнее.

- Тогда зачем?

- Потому что я не хочу лежать рядом с тобой.

Олег выключил воду, вытер руки полотенцем и посмотрел на меня. Он не выглядел виноватым или раздраженным. Скорее уставшим. Именно это было особенно невыносимо: будто трудный вечер случился с нами обоими по независимым причинам.

- Я не буду тебя удерживать, - сказал он.

- Какая щедрость.

- Лара, я понимаю твой гнев. Но сейчас мы только раним друг друга сильнее.

- Ты уже справился без моей помощи.

Он чуть сжал губы. Потом аккуратно повесил полотенце

на ручку духовки.

- Давай поспим. Утром поговорим.
- Утром я хочу услышать честный ответ.
- Хорошо.

Я ушла в гостевую комнату, где обычно ночевала Полина, когда приезжала из другого города. На полке стояли ее старые книги, на кресле лежал плед, который дочь купила нам в подарок несколько лет назад. Я достала из шкафа чистое постельное белье и застелила диван сама. Олег не пришел помогать, и я была ему за это благодарна.

Сон не получался. Стоило закрыть глаза, я слышала не стон Милены и не голос Олега, а ее короткое "опять?". Одно слово, в котором было больше правды, чем во всем разговоре на кухне.

Я включила телефон. Сообщений от Милены не было. От Олега тоже.

В рабочем чате передачи висели обычные заметки: Нелли загрузила журнал звонков, Тимур написал, что сохранил технические логи, редактор утреннего выпуска попросил не оставлять кружки в студии. Мир не собирался менять расписание из-за моего брака.

Около четырех я все-таки уснула.

Проснулась не от будильника, а от запаха кофе. За дверью гостевой комнаты кто-то прошел по коридору, затем тихо закрылась дверца шкафа. Я посмотрела на часы. Было начало десятого.

Олег уже собрался на работу. На нем были темные джинсы, белая рубашка и легкий пиджак. Волосы уложены, лицо выбрито. Человек, который несколько часов назад отказывался ответить, спит ли с моей продюсером, выглядел так, будто впереди у него обычная встреча с клиентом.

На кухне стояли две чашки кофе и тарелка с бутербродами. Он умел готовить завтрак без меня, знал, где лежит хлеб, и не нуждался в чистой рубашке, поданной женской рукой. Я никогда не жила с бытовым беспомощным мужчиной. Иногда мне хотелось бы, чтобы его недостатки были проще.

- Я не стал тебя будить, - сказал Олег.

- Я заметила.

- У тебя сегодня эфир?

- Нет. Подготовка к завтрашнему.

- Вернешься к ужину?

Я взяла чашку, но не села.

- Не знаю.

- Я куплю рыбу.

- Олег, ты обещал честный ответ.

Он опустил взгляд на кофейную пенку, будто там можно было найти более удачную формулировку.

- Я не спал с Миленой.

Ответ прозвучал чисто. Без запинки.

- До вчерашнего вечера или вообще?

- Вообще.

- То есть то, что я видела, не считается?

- Я сказал, что мы перешли границу. Я не отрицаю этого. Но секса между нами не было.

- Как удобно, что у каждого изменника есть собственный словарь.

- Я не изменник.

- Ты держал другую женщину за голую спину, расстегнул ей брюки и записывал, как она стонет. Мне не важно, какую галочку ты поставил бы в анкете.

Олег взял ключи со стола.

- Мы поговорим вечером, когда ты немного отдохнешь.

- Я отдохнула достаточно, чтобы понять: в спальню я не вернусь, пока ты не перестанешь выбирать слова вместо правды.

- Это твое решение.

- Да.

Он подошел ближе. На мгновение я подумала, что Олег попытается поцеловать меня в висок, как делал перед уходом много лет. Он остановился на расстоянии вытянутой руки.

- Не позволяй людям на станции сделать из нашей жизни развлечение, - сказал он.

- Люди на станции вчера не расстегивали блузку Милены.

- Но они будут счастливы это обсуждать.

- Я тоже не хочу обсуждать с ними. Поэтому лучше не заставляй меня искать ответы там, где ты оставил следы.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом вышел.

Через минуту во дворе завелась машина.

Я выпила кофе. Он был приготовлен так, как я любила: не слишком крепкий, с небольшим количеством молока. Бутерброд тоже оказался нормальным. От этого не стало ни легче, ни хуже. Я съела половину, потому что впереди был рабочий день, а человеческий организм обладает удивительно дурной привычкой требовать еду даже во время семейного краха.

К станции я приехала после полудня. Ночной дождь закончился, но небо оставалось серым. В холле пахло мокрыми пальто и свежей выпечкой из кафе на углу. Девушка на ресепшене поздоровалась чуть громче обычного, и я сразу заподозрила, что она что-то знает. Потом поняла, что это может быть только мое воображение.

Милены в кабинете не было.

На ее столе стояла кружка с надписью "Продюсер - это человек, который уже все исправил". Рядом лежал ежедневник, закрытый резинкой. На спинке стула висел черный жакет, который она иногда оставляла на работе.

Я не стала открывать ежедневник. Не из благородства. Просто не хотела, чтобы первый шаг после измены превратил меня в женщину, роющуюся в чужих вещах без ясной цели.

- Она написала, что заболела, - сказала Жанна от двери. Я обернулась.

Жанна Градова носила сегодня длинные серебряные серьги, которые покачивались при каждом движении. В одной руке у нее была папка с рекламными договорами, в другой

- кружка крепкого чая.

- Кто?

- Не изображай из себя человека, у которого в кабинете отсутствует десяток продюсеров. Милена. Написала утром, что температура.

- Может, правда заболела.

- Может. А может, ей наконец стало стыдно за тему завтрашнего эфира. Она предложила говорить о пользе семейных традиций.

Я посмотрела на нее.

- Seriously?

- У меня есть письмо слушательницы, чей муж каждый Новый год уходит "за елкой" и возвращается второго января. Традиция крепкая, семейная.

Жанна улыбнулась, но быстро перестала.

- Что случилось?

- Почему ты решила, что что-то случилось?

- Потому что ты стоишь у стола Милены и смотришь на кружку так, будто она тебя оскорбила. И потому что после ночных эфиров ты обычно приходишь позже.

Я вышла в коридор и закрыла дверь кабинета. Объяснять все здесь, рядом с рекламным отделом, не хотелось.

- Вчера открылась служебная линия из студии Б, - сказала я. - Во время моего эфира.

- И?

- Там были Олег и Милена.

Жанна замерла. Она не спросила "что значит были". Мы знали друг друга слишком давно.

- Ты уверена?

- Я слышала и видела достаточно.

- Насколько достаточно?

- Жанна.

- Поняла. Прости.

Она поставила кружку на подоконник.

- Хочешь, я ее уволю?

- Нет.

- Почему?

- Потому что я пока не хочу принимать решения, которые выглядят как месть. И потому что Олег не работает у нас. Если увольнять одного участника, второй почему-то остается с репутацией уважаемого предпринимателя.

- Я могу перестать считать его уважаемым уже сегодня.

- Это не должность.

Жанна помолчала, затем взяла меня за локоть.

- Ты как?

Вопрос был простой и потому опасный.

- Плохо.

- Домой поедешь?

- Нет. Мне нужно проверить запись.

- Лариса, ты не обязана сейчас быть профессионалом.

- Я и не пытаюсь. Я пытаюсь понять, почему линия открылась и кто позвонил после эфира.

- Кто позвонил?

Я рассказала про неизвестную женщину, не повторяя фразу целиком. Даже Жанне я пока не хотела говорить "все его женщины". Эти слова казались чем-то вроде инфекции: пронесешь, и они станут реальнее.

- Ты думаешь, звонок связан с Олегом?

- Не знаю.

- А он что говорит?

- Что был рекламный тест и они перешли профессиональную границу.

Жанна медленно моргнула.

- Ничего себе у рекламы теперь требования.

- Он говорит, что секса не было.

- Если мужчина вынужден уточнять, был ли секс, семейная традиция уже испорчена.

Я все-таки усмехнулась. На секунду. Потом снова стало тяжело.

- Никому не говори.

- Не скажу. Но Милену я все равно хочу придушить.

- Встань в очередь.

Мы пошли к аппаратной.

Тимур был на месте, хотя его смена начиналась только вечером. Он сидел перед открытым системным блоком и держал в зубах маленький фонарик.

- Я проверяю резервный контроллер, - объяснил он, вынимая фонарик. - Вчерашний сигнал шел не через основную

консоль.

- Нашел что-то?

- Да. Линию из студии Б открыли с локального пульта в двадцать два двадцать шесть. Закрыли в двадцать два двадцать девять.

- Три минуты?

- Чуть больше. Лог точный.

Я вспомнила, как Милена увидела меня через стекло, сказала что-то Олегу и задвинула штору. Значит, кнопку нажали примерно в тот момент, когда она надела наушники. Закрыли после того, как поняли, что я слышу.

- Это могло произойти случайно? - спросила Жанна.

Тимур покачал головой.

- Пульт стоит на столе. Кнопка утопленная. Чтобы открыть линию, ее нужно нажать и удерживать секунду.

- Кто знал?

- Олег Олегович точно. Он участвовал в настройке. Милена могла знать, если читала инструкцию или видела, как мы работаем.

- А звонок после эфира? - спросила я.

Тимур открыл другое окно.

- Вот странность. Внутренняя линия два активировалась в ноль часов пять минут, но источник не записан. Система считает, что вызов пришел из здания, а конкретного аппарата нет.

- Так бывает?

- При сбое. Или если звонят через сервисный интерфейс.
- Кто имеет доступ?
- Техники. Подрядчик. "Резонанс" обслуживает часть телефонии.

Жанна посмотрела на меня.

- Компания Олега?
- Да, - ответила я.

Тимур торопливо добавил:

- Но это ничего не доказывает. Доступ есть у нескольких сотрудников, и звонок мог пройти криво после вчерашней ошибки.

- Я знаю, - сказала я.

Слова не доказывали ничего. Но они складывались в неприятную форму.

Мы открыли запись эфира. Голос Надежды, мой голос, музыка, реклама. Служебный канал в эфирный файл не попал, как и должен был. В отдельном техническом архиве существовала дорожка мониторинга, но на месте трех минут была ровная пустота.

- Ее удалили? - спросила я.
- Похоже, она не записалась, - ответил Тимур.
- Или удалили?

- Теоретически можно. Но для этого нужен доступ администратора.

Жанна выругалась.

- Кто администратор?

Тимур назвал фамилию нашего технического директора, потом добавил:

- И у "Резонанса" есть резервный доступ по договору обслуживания.

Я почувствовала, как внутри поднимается знакомое желание немедленно позвонить Олегу и потребовать объяснений. Оно было почти физическим, как зуд. Но я уже знала, чем закончится разговор: он перечислит варианты, объяснит сбой, спросит, почему я доверяю Тимуру больше мужа, и к вечеру я буду оправдываться за подозрительность.

- Сохрани копию логов не на общий сервер, - сказала я.

Тимур посмотрел на Жанну.

- Сделай, - подтвердила она. - Это не обсуждается.

Пока он копировал файлы, я вышла в коридор. Возле ступицы Б стояла тележка уборщицы с мусорным пакетом. Дверь была открыта, штора между студиями раздвинута до конца. Диванная подушка лежала ровно. Пуговица, которую я оставила на столе ночью, исчезла.

Я заглянула в урну. Сверху лежали бумажные салфетки, пустой стаканчик и разорванная упаковка из прозрачного пластика. На картонной вставке была фотография круглых красных амбушюр для студийных наушников.

Новые.

Я вынула упаковку и прочитала мелкий текст. Размер подходил к модели, которую Олег унес ночью.

- Что вы там ищете? - спросила уборщица.

- Вчера потеряла записку.
- Я все бумажки выбросила.
- Ничего.

Я положила упаковку в свою сумку. Это не было доказательством измены. Я уже не нуждалась в доказательстве. Но слово "опять" теперь получало форму: наушники использовали достаточно часто, чтобы менять амбушюры.

В дальнем шкафу студии хранили старый реквизит: провода, стойки, папки с текстами, кассеты, которые никто не решался выбросить. Я открыла дверцу, чтобы проверить, не лежала ли там коробка от наушников. На верхней полке стоял небольшой картонный ящик с надписью "Олег. Не трогать".

Почерк был не его. Скорее Милены.

Я сняла ящик.

Внутри лежали переходники, старый блок питания и несколько аудиокассет. На большинстве были подписи: "Джинглы 2008", "Новогодний ролик", "Рыбный дом". Одна кассета оставалась без наклейки. Прозрачный пластик, темная лента, никакой даты.

- Лариса? - позвала Жанна из коридора.
- Я здесь.

Я взяла кассету и закрыла шкаф.

В архивной комнате сохранился старый магнитофон. Его не включали месяцами, но он работал. Я вставила кассету, нажала кнопку воспроизведения и услышала шорох пленки.

Сначала ничего не происходило.

Потом незнакомая женщина тихо сказала:

- Я звучу только для тебя.

Глава 4. Чистый монтаж (Олег)

от лица Олега

Лариса всегда считала, что хороший вопрос важнее правильного ответа.

Эта привычка делала ее отличной ведущей и временами утомительной женой. Если она спрашивала, почему я задержался, ей редко было достаточно времени на часах. Она хотела знать, что происходило в разговоре, почему встреча затянулась, кто первым предложил кофе и в какой момент я понял, что клиент подпишет договор. Не из ревности. Ей нравилось видеть устройство человеческого решения.

Утром она задала плохой вопрос.

"Ты спишь с Миленой?"

Я ответил честно: не спал. То, что происходило между нами до вчерашнего вечера, не требовало постели. Милена приходила в студию, надевала наушники, говорила нужные слова. Иногда позволяла мне расстегнуть блузку или провести ладонью по бедру. Иногда сама становилась на колени, но это было ее решение и ее способ доказать, что она не боится ни меня, ни имени собственной матери.

Люди слишком любят простые определения. Измена. Верность. Секс. Любовь. Они думают, будто слово закрывает дверь и больше не нужно заглядывать внутрь.

Я приехал в "Резонанс" около десяти. Секретарь уже раз-

ложила почту, в монтажной спорили из-за ударения в названии нового жилого комплекса, а из большой студии доносился детский голос, старательно рекламирующий семейную стоматологию. Обычный рабочий день. Это успокаивало.

В моем кабинете на столе лежал договор по проекту "Честный голос". Борис Левин прислал новую версию ночью, как будто отсутствие сна делало его важнее. Я открыл документ, просмотрел правки и отметил два пункта, которые нужно было изменить до подписи Ларисы.

Она подпишет.

Не сегодня и не завтра. Сначала ей нужно пережить чувство унижения, убедиться, что вокруг слишком много посторонних глаз, а затем получить возможность вернуть себе контроль. Я дам ей эту возможность. Уберу Милену из передачи на несколько недель, предложу совместную поездку, позволю самой выбрать формулировку нашего примирения. Лариса не прощала давление, зато охотно принимала решение, если считала его собственным.

Телефон на столе завибрировал.

Звонил Глеб, один из наших технических специалистов, обслуживавших систему "Города говорит".

- Да.

- Олег Олегович, у них там с утра интерес к вчерашним логам.

- Какой именно интерес?

- Молодой звукарь, Тимур, выгрузил маршрутизацию и

копию сервисных событий. Жанна Градова разрешила. Еще ваша супруга присутствовала.

Я откинулся в кресле.

- Они нашли что-нибудь?

- Только открытие мониторинга из студии Б и внутренний вызов без источника. Дорожки мониторинга нет.

- Хорошо.

- Нужно почистить резервную выгрузку?

- Нет.

Глеб замолчал. Он был полезным сотрудником, но иногда путал осторожность с замечанием следов.

- Если удалить файл после того, как его начали искать, он станет доказательством, - объяснил я. - Пусть изучают.

- Понял.

- Кто скачивал запись внутреннего вызова?

- Сейчас посмотрю.

Я слышал, как он печатает. За стеной ребенок в студии в третий раз произнес: "Красивая улыбка начинается с доверия". Режиссер попросил его говорить веселее.

- Есть загрузка, - сказал Глеб. - За минуту до удаления.

- Пользователь?

- Необычно. Сервисный идентификатор. Словами не скажу, сброшу вам.

- Отправь.

- Олег Олегович, а что там было?

- Ошибка связи.

- Ясно.

Ему было не ясно, но спрашивать второй раз он не стал.

Я завершил звонок и открыл защищенную панель доступа. Вызов после эфира действительно успели скачать. Небольшой аудиофайл длиной восемь секунд. Голос женщины, предупреждение, обрыв.

Не сама запись была проблемой. Проблемой был человек, который ее получил.

Сервисный идентификатор не принадлежал ни Тимуру, ни Жанне, ни Ларисе. Он выглядел так, будто его создали на старой версии системы, еще до последнего обновления. Таких ключей оставалось несколько, и большинство давно не использовались.

Я запустил поиск.

В дверь постучали, не дожидаясь ответа.

Милена вошла в кабинет и закрыла дверь на замок.

На ней были черные джинсы, темная водолазка и короткая кожаная куртка. Волосы собраны в низкий хвост. Без помады она выглядела моложе, что мне не нравилось. Я предпочитал, когда Милена подчеркивала рот. У Ирины губы всегда были яркими, даже на утренних записях.

- Ты сказал, что она не услышит, - произнесла Милена.

- Я сказал, что служебная линия закрыта.

- Она была открыта.

- Я заметил.

- Лариса смотрела на меня через стекло.

- Это должно было заставить тебя остановиться, а не задвинуть штору и продолжить спор.

Милена подошла к столу.

- Я не продолжала спор.

- Тем более.

Она ударила ладонью по столешнице. Не сильно, скорее для знака.

- Тебе смешно?

- Нет.

- Тогда почему ты говоришь со мной так, будто я испортила дубль?

- Потому что ты вошла в мой кабинет, заперла дверь и повысила голос. Все три действия привлекают внимание людей, которые до этого могли ничего не знать.

Милена отвернулась к окну. Внизу, во дворе бизнес-центра, курьер разгружал коробки. Я дал ей несколько секунд. Она умела собираться, когда понимала, что истерика не произведет нужного впечатления.

- Лариса знает про нас, - сказала она тише.

- Она знает, что видела.

- Этого достаточно.

- Для скандала достаточно. Для понимания нет.

- Ты собираешься убедить ее, что мы записывали рекламу?

- Мы действительно записывали материал.

Милена повернулась.

- Ты трогал меня.
- Ты не возражала.
- Я не об этом.
- Тогда сформулируй точнее.

Она посмотрела на меня с ненавистью, которая делала ее голос глубже. В такие моменты сходство с Ириной становилось почти физическим. Не лицо. Лицом Милена пошла в отца, которого я видел всего один раз. Но тембр, короткий вдох перед резкой фразой, привычка проглатывать конец слова, если она волновалась, принадлежали матери.

- Ты хотел, чтобы Лариса услышала? - спросила она.

Я не ответил сразу.

- Нет.

- Линию кто-то открыл из студии Б.

- Я знаю.

- Я не нажимала кнопку.

- Я тоже.

- Значит, кто?

- Это я и выясняю.

Она посмотрела на экран моего компьютера, но я свернул окно панели.

- А звонок? - спросила Милена.

- Какой?

- Не изображай. Лариса получила звонок после эфира.

- Откуда ты знаешь?

Милена поняла ошибку и опустила глаза.

- Тимур написал в рабочем чате, что проверяет внутреннюю линию.

- В рабочем чате не было содержания звонка.

- Жанна могла сказать кому-то.

- Могла. Но сказала тебе?

Она не ответила.

Я встал и обошел стол. Милена не отступила. Это было одной из причин, по которым она меня заинтересовала. Большинство людей делают шаг назад, когда я приближаюсь во время неприятного разговора. Милена удерживала место, даже если внутри уже дрожала.

- Что ты знаешь о звонке? - спросил я.

- Ничего.

- Неправда.

- Ты теперь будешь проверять мой голос?

- Я всегда проверяю голоса.

Милена усмехнулась.

- В этом и есть твоя проблема.

- Моя проблема сейчас в том, что кто-то вмешался в запись и предупредил Ларису. Если это сделала ты, скажи.

- Я хотела, чтобы она узнала.

- Это не ответ.

- А ты хотел, чтобы она никогда не узнала?

- Я хотел выбрать время.

- Для чего? Чтобы подготовить ей красивое объяснение?

- Чтобы не унижать ее.

Милена рассмеялась. Не громко, но по-настоящему.

- Ты занимался со мной этим за стеной от ее эфира и называешь себя человеком, который не хотел ее унижать?

- Я не приводил тебя в ее дом.

- Какая нравственная высота.

Я провел пальцем по ее щеке. Она вздрогнула, но не отвернулась.

- Не говори со мной словами Ларисы.

- Почему? Боишься перепутать?

Мой палец остановился у ее нижней губы.

- Вас невозможно перепутать.

- Конечно. Она жена, а я материал.

- Ты сама пришла ко мне.

- Я пришла не за этим.

- Но осталась.

Милена сжала зубы. Я видел, что она хочет оттолкнуть меня и одновременно ждет, когда я коснусь ее снова. Такое противоречие давало самый чистый звук. Не удовольствие и не страх отдельно, а место, где они переставали различаться.

Я наклонился ближе.

- Зачем ты пришла, Милена?

Она выдохнула мне в лицо:

- Узнать, что ты сделал с моей матерью.

Имя не прозвучало, но оно уже стояло между нами.

Ирина.

Я убрал руку.

- Мы обсуждали это.

- Нет. Ты рассказывал, что она была сложной, истеричной, влюбленной в драму. Это не ответ.

- Она погибла при пожаре.

- Ты был там?

- Нет.

Ложь получилась привычной, без лишнего нажима.

- Лариса была в эфире, когда это случилось, - продолжил я. - Она разговаривала со мной по телефону. Есть запись.

- Я слышала эту запись.

- Тогда почему спрашиваешь?

- Потому что мама боялась тебя.

- Твоя мать боялась потерять внимание. Это не одно и то же.

- Ты записывал ее так же?

Вопрос оказался точнее, чем мне хотелось.

Я вернулся за стол.

- Ирина была певицей. Разумеется, я ее записывал.

- В красных наушниках?

- Тогда они еще были черными.

Милена побледнела.

- Ты больной.

- Нет. Я звукорежиссер.

- Ты даже не слышишь разницы.

- Слышу. Поэтому знаю, когда человек говорит то, что думает, а когда выбирает фразу для эффекта.

- И что я сейчас говорю?

- Что ты злишься на себя сильнее, чем на меня.

Она схватила со стола стеклянную пресс-папье. На секунду мне показалось, что бросит. Вместо этого Милена поставила ее обратно, чуть громче необходимого.

- Лариса тебя не простит.

- Простит.

- Ты уверен?

- Я знаю жену.

- Вчера она смотрела не так, как женщина, которая собирается простить.

- Вчера она увидела сцену, которую не могла объяснить. Лариса плохо переносит отсутствие объяснения. Я дам ей его.

- А если она найдет что-то еще?

- Например?

Милена отвела взгляд.

Я понял, что она знает про кассету или по крайней мере подозревает, что она осталась в шкафу на станции. Старый ящик использовали для переходников, и я давно не проверял его содержимое. Несколько кассет могли лежать там с тех времен, когда "Резонанс" только начал обслуживать радио.

- Ты оставила что-то в студии Б? - спросил я.

- Нет.

- Подумай.

- Я сказала нет.

- Пуговицу?

Она посмотрела вниз на водолазку, будто пуговица могла находиться на ней.

- Блузка в химчистке.

- Быстро.

- Я не собиралась носить ее снова.

- Это всего лишь одежда.

- Для тебя все "всего лишь".

Милена подошла к двери, сняла замок.

- Не звони мне сегодня.

- Хорошо.

- И не приходи.

- Хорошо.

Она обернулась.

- Тебе даже не интересно, куда?

- Если захочешь, сама скажешь.

Это задело ее сильнее, чем спор. Милена вышла, закрыв дверь слишком резко.

Я подождал несколько секунд и вернулся к компьютеру.

Поиск сервисного идентификатора завершился. Ключ был создан много лет назад для временного доступа к старой системе архива. Имя пользователя отсутствовало. Последняя активность до вчерашней ночи датировалась почти десятилетием назад.

Кто-то сохранил ключ.

Кто-то знал, что именно нужно скачать.

Я открыл каталог резервных записей. В нем хранились не эфиры, которые слушал город, а сырой материал: паузы до соединения, разговоры с операторами, номера, иногда имена. Официально такие файлы должны были удаляться. Практически они были слишком ценными, чтобы исчезать.

Женщина редко говорит правду в момент, когда ее представляют слушателям. Правда появляется раньше, когда она еще не уверена, выйдет ли в эфир, или позже, когда думает, что звонок уже закончен. Один неосторожный вздох может рассказать больше, чем двадцать минут исповеди.

Я проверил папку вчерашнего выпуска.

Надежда. Мужчина с сыном. Женщина с сестрой. Несколько отказавшихся звонящих.

Файла анонимного вызова не было. Его скачали и удалили почти сразу.

Я закрыл каталог и набрал Бориса Левина.

- Олег, привет, - ответил он бодро. - Как раз хотел звонить. Получил правки?

- Получил. Нужно ускорить подписание.
- Лариса еще не согласна на презентацию.
- Согласится.
- Мы планировали дать ей неделю.
- Дайте три дня.
- Почему такая спешка?
- Потому что интерес к проекту растет. Чем быстрее мы закрепим права и ответственность, тем меньше будет лиш-

них разговоров.

Борис замолчал. Он не любил слово "ответственность", если оно не стояло рядом с чужой фамилией.

- У вас все нормально? - спросил он.

- Разумеется.

- Милена написала, что заболела. Жанна какая-то дерганая.

- Обычная редакционная жизнь.

- Хорошо. Тогда я подготовлю бумаги к концу недели.

- К середине.

- Постараюсь.

Я завершил вызов.

В ящике стола лежал маленький ключ от комнаты прослушивания. В рабочее время я редко заходил туда: слишком много сотрудников, слишком легко вызвать ненужный интерес. Но после разговора с Миленой мне требовалось услышать оригинал.

Я дождался, когда детская запись в большой студии закончится и коридор опустеет. Комната прослушивания находилась за монтажной, дверь выглядела как обычный технический шкаф. Внутри стояли два кресла, старый ленточный микрофон, современный компьютер и закрытый стеллаж с кассетами.

Красные наушники лежали на столе.

Я заменил амбушюры неделю назад. Старые пропитались чужим парфюмом и потеряли упругость. Милена любила их

сильнее, чем признавалась. Когда наушники закрывали ей уши, она переставала играть дочь, пришедшую мстить за мать, и становилась женщиной, которой нравилось выполнять точные указания.

Я включил компьютер и открыл папку "И. Р."

Записей было несколько. Песни, рекламные пробы, разговоры, фрагменты, которые никогда не предназначались для чужих ушей. Я выбрал один из последних.

На экране появилась звуковая дорожка. Из динамиков раздался шорох, потом голос Ирины:

- Я больше не буду говорить то, что ты хочешь.

Молодой, низкий, сердитый. Даже через годы он действовал на меня сильнее большинства живых голосов.

- Будешь, - ответил я на записи.

- Нет.

- Ты уже сказала.

- Я заберу пленки.

- Они мои.

- Там мой голос.

- Голос никому не принадлежит, Ира. Он существует, пока его слышат.

Запись оборвалась.

Я откинулся в кресле и посмотрел на красные наушники. Потом открыл вчерашний файл Милены. Ее дыхание, короткая ругань, слова, произнесенные у микрофона.

Сходство было не идеальным. У дочери голос звучал мо-

ложе, суше, в нем не хватало материнской глубины. Но в нужный момент, когда желание смешивалось со злостью, различие почти исчезало.

Я нажал воспроизведение еще раз.

- Я звучу только для тебя, - сказала Милена.

Я посмотрел на имя папки и произнес:

- Твоя дочь все-таки научилась говорить правильно.

Глава 5. Женщина без имени

Женщина на кассете говорила шепотом, но не потому, что боялась разбудить кого-то за стеной.

В ее голосе было другое. Та особая осторожность, с которой человек произносит слова, заранее зная, что их будут оценивать. Она сказала фразу медленно, почти по слогам:

- Я звучу только для тебя.

Магнитофон зашуршал. Потом раздался мужской голос:

- Еще раз.

Олег.

Я нажала кнопку остановки.

В архивной комнате стало слышно, как в коридоре хлопает дверь и кто-то катит тележку с папками. Обычные звуки станции возвращали предметам нормальный размер. Стол оставался столом, старый магнитофон не превращался в орудие преступления, кассета весила несколько десятков граммов. Только ладонь, в которой я ее держала, вспотела.

Жанна вошла без стука.

- Ты чего пропала? Тимур уже сделал копию логов и хочет вручить ее тебе как государственную тайну.

Она увидела магнитофон.

- Это что?

- Нашла в ящике Олега.

- Какого еще ящика Олега?

- В шкафу студии Б. Там были переходники и старые кас-
сеты. Эта без подписи.

- Ты ее слушала?

- Начала.

Жанна закрыла дверь.

- И?

Я нажала воспроизведение. Женщина снова произнесла фразу. Голос Олега попросил повторить.

Жанна сняла очки, протерла их краем блузки и надела обратно.

- Это не Милена.

- Нет.

- Ты знаешь, кто?

- Нет.

- Может, старая реклама?

- Может.

- Но ты так не думаешь.

Я перемотала пленку немного вперед и снова включила.

Сначала слышалось только дыхание. Потом женщина тихо засмеялась, и смех оборвался слишком резко.

- Олег, хватит.

- Ты сбилась.

- Я не хочу еще раз.

- Почему?

- Потому что это глупо.

- Тебе нравилось минуту назад.

- Мне уже не нравится.

На записи что-то стукнуло. Женщина произнесла:

- Выключи.

После этого возник треск, и голос Олега прозвучал ближе:

- Скажи правильно, и выключу.

Я нажала стоп.

Жанна долго молчала.

- Мне это не нравится, - сказала она.

- Ей тоже.

- Ты уверена, что кассета его?

- Ящик подписан именем Олега.

- Почерк?

- Не его. Возможно, Милены.

- Тогда почему она оставила здесь запись другой женщины?

- Не знаю.

Слово стало самым частым в моей жизни за последние сутки. Я не знала, кто открыл линию, кто позвонил, сколько раз Олег записывал Милену, кто говорил на пленке и почему кассета оказалась в шкафу. Еще вчера мне казалось, что я достаточно хорошо понимаю устройство собственного брака. Теперь каждый вопрос открывал следующий, более неприятный.

Жанна взяла кассету, осмотрела прозрачный корпус.

- Здесь нет даты.

- И подписи.

- Пленка старая.

- Насколько?

- Я редактор, а не музейный смотритель.

Она вернула кассету.

- Надо сделать копию.

- Да.

- И спросить Олега.

- Нет.

Жанна подняла брови.

- Почему?

- Потому что он объяснит. Скажет, что это реклама, актерская проба, запись бывшей девушки до нашего брака. Возможно, даже покажет договор. А потом кассета исчезнет.

- Ты думаешь, он подделает договор?

- Я думаю, он умеет подготовить ответ быстрее, чем я понимаю вопрос.

Жанна посмотрела на меня внимательнее.

- Ты раньше так о нем не говорила.

- Раньше я не видела его руку под блузкой Милены.

- Логично.

Она села на край стола.

- Знаешь, что меня беспокоит? Не измена. То есть измена тоже, конечно. Я бы ему сейчас этой кассетой по лбу постучала. Но больше меня беспокоит запись. Нормальные люди не сохраняют такие вещи в рабочем шкафу.

- Нормальные люди многое делают, если уверены, что ни-

кто не услышит.

- Это ты сейчас про мужа или про слушателей?

- Про всех.

Дверь открылась.

Мужчина, которого я никогда раньше не видела, остановился на пороге, держа в руках два металлических кейса и сложенный зонт.

- Простите, - сказал он. - Мне сказали, архив здесь. Но, судя по лицам, я пришел в неудачный момент.

Он был примерно моего возраста, может, на несколько лет старше. Высокий, не худой, в темной куртке, под которой виднелся серый свитер. Волосы с проседью, очки в тонкой оправе. Не красавец с рекламного плаката, но лицо запомнилось: спокойные глаза, заметная складка у рта, будто он часто сдерживал улыбку.

Жанна соскочила со стола.

- Артемий?

- В зависимости от того, должны вы мне деньги или я вам.

- Мы вам должны только доступ к архиву. Лариса, знакомься. Артемий Серов, режиссер документального радио. Артемий, это Лариса Веденеева, наш лучший голос после прогноза погоды.

- Прогноз погоды хотя бы не спорит с редактором, - сказала я.

Артемий поставил кейсы у стены и протянул руку.

- Рад познакомиться. Я слышал ваши эфиры.

- Хорошее начало для человека, которому нужен архив.
- Я мог бы сказать, что не слышал, но тогда вы не доверили бы мне ни одной пленки.

Рукопожатие у него было обычным. Не слишком сильным, не затянутым. Я поймала себя на том, что отмечаю это, и рассердилась. После измены любое мужское прикосновение внезапно превращалось в вопрос, хотя мужчина передо мной не сделал ничего, кроме вежливого жеста.

- Вы приехали ради юбилейной программы? - спросила я.

- Да. Хочу собрать историю станции не из торжественных речей, а из старых записей. Ошибки, паузы, первые эфиры. Все, что обычно стыдятся показывать.

- У нас такого материала больше, чем торжественных речей, - сказала Жанна. - Но часть архива в беспорядке.

- Иначе меня бы не позвали.

Он снял куртку, повесил на спинку стула и заметил кассету в моей руке.

- Уже нашли что-то интересное?

- Пока не знаю.

- Без подписи?

- Да.

- Можно?

Я не сразу отдала ему кассету. Это было нелепо: я знала Артемия меньше минуты, а пленка могла содержать интимную запись неизвестной женщины. Но мне нужен был человек, который понимал технику и не зависел от Олега.

- Это не для юбилейной программы, - предупредила я.
 - Тогда не попадет в программу.
 - И никому не нужно говорить, что вы ее слышали.
- Он посмотрел на Жанну. Та кивнула.
- Хорошо, - сказал Артемий.

Я вставила кассету в магнитофон и включила начало. Артемий слушал, чуть наклонив голову. Не смотрел на меня, не задавал вопросов. Когда женщина попросила выключить запись, он поднял ладонь.

- Остановите.

Я нажала кнопку.

- Что? - спросила Жанна.

- Пленка склеена.

- Физически?

- Скорее запись смонтирована. Слышали щелчок перед мужским голосом?

- Я думала, это помеха.

- Помеха обычно не меняет фон комнаты. До щелчка есть слабый гул вентиляции, после него нет. И расстояние до микрофона другое.

Он достал из кейса компактный проигрыватель, кабели и наушники.

- Если оцифровать, будет видно точнее. Можно?

Я снова посмотрела на кассету.

- Да. Но копию только мне и Жанне.

- Договорились.

Артемий подключил оборудование к старому магнитофону. Двигался уверенно, без суеты, иногда тихо комментировал, что делает. Мне понравилось, что он не спрашивал, кто говорит на пленке. Возможно, догадывался, что мужской голос мне знаком. Возможно, просто умел ждать.

- Вы работали с Олегом Веденеевым? - спросила Жанна, когда на экране ноутбука появилась дорожка.

Артемий поднял глаза.

- Давно. Еще в старом Доме радио. Он был одним из лучших молодых звукорежиссеров в городе.

- Одним из?

- Не будем портить юбилейную атмосферу точностью формулировок.

Жанна усмехнулась.

- А вы, значит, были вторым?

- Я был человеком, который знал, где лежат запасные кабели. Это надежнее таланта.

Он снова надел наушники.

Я смотрела на звуковую дорожку. Для меня она была просто неровной полосой. Для Олега такие линии всегда выглядели понятнее людей. Он мог часами убирать шум, переставлять слова, менять дыхание между фразами. Когда мы только познакомились, мне казалось волшебством, что мой молодой муж способен сделать голос ближе и теплее несколькими движениями мыши.

Теперь я впервые подумала, что теми же движениями

можно сделать человека виноватым.

- Здесь минимум три фрагмента, - сказал Артемий. - Возможно, четыре.

- То есть женщина не говорила все подряд? - спросила я.

- Не могу знать. Она могла говорить, но в этой версии порядок изменен. Смотрите.

Он увеличил изображение.

- Вот фраза "я звучу только для тебя". После нее фон другой. Потом смех, еще один фрагмент. Просьба выключить запись идет из третьего куска. А мужской ответ, вероятно, записан ближе к микрофону и позже.

- Зачем?

Артемий снял очки и протер линзу.

- Это вопрос не к технике.

- Но если бы вы слышали запись без знания контекста?

- Я бы подумал, что женщина сначала охотно участвует в интимной игре, потом капризничает, а мужчина спокойно просит закончить дубль.

- А на самом деле?

- На самом деле мы не знаем.

Он говорил осторожно, и я оценила это. Мне не требовался еще один человек, который выдаст догадку за факт только потому, что она совпадает с моим страхом.

- Можно восстановить оригинал? - спросила Жанна.

- Если все фрагменты находятся на этой кассете, попробую собрать вероятный порядок. Если часть взята из другой

записи, будет сложнее.

- Сколько времени?

- Несколько часов на качественную оцифровку. Потом посмотрю.

- Сегодня? - спросила я.

Артемий посмотрел на часы.

- Если вы угостите меня кофе и не будете требовать юбилейную программу к утру.

- Кофе у нас плохой.

- Тогда придется работать быстрее.

Жанна ушла искать свободную монтажную. Я осталась с Артемием в архиве.

- Вы правда давно знали Олега? - спросила я.

- Давно.

- Хорошо?

Он не ответил сразу.

- Достаточно, чтобы уважать его слух. Недостаточно, чтобы отвечать за его поступки.

- Удобная формулировка.

- Неудобные формулировки часто оказываются неточными.

Я почувствовала раздражение, потому что похожим образом говорил Олег. Артемий, видимо, заметил.

- Простите, - сказал он. - Я не знаю, почему эта запись важна для вас. И не хочу случайно сказать что-то, что прозвучит как защита человека, которого вы не просили защи-

щать.

- Мужской голос принадлежит моему мужу.

Он кивнул. Без удивления, без сочувственного вздоха.

- Понял.

- Женский не мой.

- Это я тоже понял.

- Откуда?

- Вы не стали бы так слушать собственную запись.

- Как?

- Словно хотите узнать женщину и одновременно боитесь, что узнаете.

Я отвернулась к стеллажу.

- Вы наблюдательный.

- Профессиональная деформация. Документальное радио состоит из людей, которые говорят одно, а дышат между словами иначе.

Мне не хотелось обсуждать с незнакомым мужчиной измену, но странным образом его присутствие успокаивало. Возможно, потому что он не пытался утешать. Возможно, потому что впервые за сутки рядом находился человек, которому не нужно было объяснять, что запись может лгать.

- Олег часто монтировал подобные вещи? - спросила я.

- Подобные в каком смысле?

- Интимные.

- Я не знаю.

- А голоса так, чтобы менять значение?

- Это умеет любой хороший монтажер. В рекламе мы постоянно переставляем слова, убираем запинки, собираем фразу из дублей. Вопрос в согласии человека и цели.

- Значит, техника невиновна.

- Техника редко виновата. Это не делает результат безобидным.

Жанна вернулась с ключом от свободной монтажной и двумя бумажными стаканчиками.

- Кофе ужасный, как обещано. Лариса, тебе через час готовиться к эфиру.

Я посмотрела на часы. День прошел быстрее, чем я заметила.

- Кассету оставляю вам, - сказала я Артемию.

- Запру в кейсе.

- Никому не показывайте.

- Лариса, я услышал.

В его голосе не было раздражения, только легкое напоминание, что повторять третий раз не нужно. Я кивнула.

Вечером Милена на работу не пришла. Тему семейных традиций мы отменили. Жанна предложила говорить о том, почему люди откладывают неприятные разговоры, но я отказалась. Это было бы слишком близко к моей жизни и слишком легко превратило бы эфир в личную исповедь, к которой слушатели не давали согласия.

Мы выбрали тему одиночества в большом городе.

В десять часов загорелась красная лампа. Тимур сидел за

пультом собраннее обычного. Нелли заранее проверила линии. Я начала программу с письма женщины, которая переехала к взрослой дочери и обнаружила, что среди близких людей можно чувствовать себя одинокой сильнее, чем в пустой квартире.

Первые звонки были спокойными. Мужчина, недавно вышедший на пенсию. Молодая мать, которой не с кем поговорить, кроме ребенка. Женщина, потерявшая подругу после нелепой ссоры.

Около одиннадцати Нелли подняла в операторской красную карточку. Это означало, что звонящая просит не называть имя и звучит нестабильно.

Я кивнула.

- У нас новый звонок. Добрый вечер. Как я могу к вам обращаться?

- Снегирь.

Голос был женским, старше моего, с легкой одышкой.

- Хорошо, Снегирь. Вы хотите поговорить об одиночестве?

- Не знаю. Наверное.

- Что случилось?

- Вы когда-нибудь рассказывали кому-то то, чего не знала даже ваша семья?

Я почувствовала, как Тимур смотрит на меня через стекло.

- Да, - ответила я. - Думаю, у большинства людей есть та-

кие вещи.

- А если вы рассказали только одному человеку, а потом другой человек дал понять, что тоже знает?

- Это может быть совпадение. Или первый человек нарушил ваше доверие.

- Я рассказала вам.

В студии стало тесно.

- Когда?

- Давно.

- В эфире?

- Да. Я звонила под другим именем. Вы сказали, что я не обязана жить в страхе.

- Вы помните тему программы?

- Измена. Всегда измена.

Она коротко рассмеялась, но смех сразу перешел в кашель.

- После звонка вам кто-то написал? - спросила я.

- Не сразу. Через несколько недель. Он знал, что я сказала вам до эфира. То, что не пошло в передачу.

Я посмотрела на Нелли. Она уже печатала что-то на клавиатуре.

- Что именно он знал?

- Не могу сказать.

- Этот человек угрожал вам?

- Нет. Сначала нет.

- А потом?

В трубке послышался шорох.

- Он сказал, что у меня красивый голос, когда я боюсь.

Кожа на руках покрылась мелкими мурашками.

- Снегирь, вы знаете этого человека?

- Я думала, что нет.

- Сейчас он связывается с вами?

- Иногда.

- Вам нужна помощь?

- Мне нужно было предупредить вас.

- О чем?

Женщина замолчала. Я видела на экране счетчик звонка, зеленые цифры продолжали меняться.

- Снегирь?

- Он слушает не то, что выходит в эфир.

Связь оборвалась.

Я выдержала паузу, объявила музыку и сняла наушники.

Нелли почти сразу вошла в студию.

- Что с номером? - спросила я.

Она покачала головой.

- Его нет.

- Как нет?

- Вообще не отображается. Словно женщина звонила не с телефона.

Глава 6. Право на ревность

- Словно не с телефона, - повторила я.

Нелли стояла у двери студии, прижимая к груди планшет. В обычные вечера после сложного звонка она начинала говорить быстрее, перечисляла технические причины, звала Тимура и злилась на связь. Сейчас она явно старалась не произнести лишнего в помещении, где любой микрофон вдруг перестал казаться безобидным.

- Я проверила входящие, внутренние линии и резервный шлюз, - сказала она. - Ничего. На месте звонка пустое поле.

- Сохрани все, что есть.

- Там нечего сохранять.

- Значит, сохрани пустое поле.

Нелли кивнула. Я вернулась к микрофону, потому что музыка заканчивалась. До полуночи оставалось почти сорок минут, и люди продолжали звонить. Раньше я считала невидимую часть разговора, до эфира, защищенной обычной порядочностью. Теперь она казалась слишком слабым замком.

После программы Тимур выгрузил запись эфира на отдельную флешку. Нелли распечатала журнал звонков, где между двумя номерами действительно оставалась пустая строка с временем подключения. Мы вдвоем смотрели на нее так, будто бумага могла смутиться и выдать правду.

- Может, сбой? - спросил Тимур.

- Может, - ответила я.

Мне не хотелось превращать любую ошибку системы в доказательство против Олега. Но еще меньше хотелось снова принять удобное объяснение только потому, что оно позволяло поехать домой и лечь спать.

Домой я приехала после часа ночи. В прихожей горел свет, на столике лежала записка Олега: "Рыба в холодильнике. Разогреть десять минут. Не оставляй себя без ужина из-за меня".

Рыбу я съела. Голод не был супружеской позицией. После душа я закрылась в гостевой комнате.

На следующий день Милена пришла на работу около трех.

Я сидела в маленькой монтажной без окон и переслушивала фрагмент со Снегирем. Артемий занял соседнюю комнату, где оцифровывал кассету. Жанна ушла к Борису обсуждать юбилейную программу, а Тимур проверял служебную систему со специалистом, которого пригласили не из "Резонанса".

На экране передо мной дорожка голоса Снегирия обрывалась ровно после слова "эфир". Никакого щелчка, никакого шороха отключения. Просто конец.

Дверь открылась без стука.

Милена вошла и сразу закрыла ее за собой. На ней были темные джинсы, черный свитер и короткая куртка, которую она не сняла. Волосы собраны в хвост. Лицо без привычного рабочего макияжа выглядело моложе и упрямее.

- Я могу объяснить, - сказала она.
- Это любимая фраза людей, которых застали.
- Я не знала, что линия открыта.
- Верю.

Милена замерла, будто готовилась к сопротивлению и не поняла, почему его нет.

- Правда?

- Если бы ты хотела, чтобы я слышала, ты выбрала бы способ, при котором не пришлось бы рисковать моей работой. И не стояла бы потом с таким лицом.

- С каким?

- С лицом человека, который рассчитывал однажды победить, но не хотел, чтобы его увидели во время соревнования.

Она отвела взгляд.

- Это не то, что вы думаете.

- Не произноси эту фразу. Она устала сильнее меня.

Милена расстегнула куртку, но осталась стоять. Я не предложила ей сесть. Мне не хотелось разыгрывать прием у ведущей, которая умеет помочь любой женщине назвать свою боль. Милена была не слушательницей. Она работала со мной почти год, знала расписание моих эфиров, знала, какой чай я пью, знала, что Олег иногда встречается меня после программы. И все равно легла с ним в соседней студии.

- Между мной и Олегом все сложнее обычной измены, - сказала она.

- Нет.

- Вы не знаете.

- Я знаю достаточно. Ты можешь рассказывать себе что угодно о сложности, судьбе и причинах. Но сначала назови простое.

Ее губы сжались.

- Я не обязана отчитываться перед вами.

- Как продюсер ты обязана объяснить, почему использовала рабочую студию во время моего эфира. Как женщина ты мне ничего не обязана. Можешь выйти и больше со мной не разговаривать.

- А как жена?

- Как жена я имею право на правду от мужа. Не от тебя. Но ты пришла объяснять. Значит, объясняй без красивой дымки.

Милена подошла к столу. Между нами оставалось меньше метра.

- Вы хотите, чтобы я сказала это вслух?

- Да.

- Зачем?

- Потому что "сложнее обычной измены" звучит так, будто вы с Олегом спасали мир, а брюки расстегнулись из-за высокой цели.

Она вспыхнула.

- Вы видели не все.

- Мне хватило.

- Вы думаете, я просто молодая дура, которая решила за-

брать чужого мужа?

- Я пока думаю, что ты взрослая женщина, которая спала с моим мужем и теперь хочет говорить о чем угодно, кроме этого.

Несколько секунд Милена молчала. В тесной комнате гудел компьютер. За стеной кто-то передвинул стул.

- Я спала с Олегом, - сказала она.

Слова оказались тяжелее, чем я ожидала. Не потому, что я сомневалась. Я видела их вместе, слышала дыхание Милены, знала движения рук мужа. Но до этой минуты во мне еще жила мелкая, стыдная возможность: вдруг он действительно остановился на каком-то странном ритуале, вдруг измена была не такой полной, как казалось.

Милена уничтожила эту возможность четырьмя словами.

- Давно? - спросила я.

- Несколько месяцев.

- Здесь?

- Не только.

- У нас дома?

Она быстро подняла глаза.

- Нет.

Я не знала, верить ли. Но ответ прозвучал без паузы, и на сегодня этого было достаточно.

- Сколько раз?

- Я не считала.

- Удобно.

- Вы хотите цифру, чтобы стало больше?

- Нет. Я хочу понять, где заканчивается моя жизнь и начинается ваша.

Милена прислонилась бедром к краю стола.

- У нас нет общей жизни.

- Значит, только секс?

- Я не сказала этого.

- Я не собиралась влюбляться в него.

- Ни одна любовница в истории мира не собиралась. Это не освобождает место в календаре.

- Я не прошу вас меня жалеть.

- Хорошо. Потому что сейчас у меня не получится.

Милена посмотрела на экран, где застыла дорожка голоса Снегиря.

- Олег говорил, что вы давно живете как коллеги. Что у вас уважение, привычка, дочь, но нет того, что бывает между мужчиной и женщиной.

Я усмехнулась. Получилось некрасиво.

- В понедельник утром у нас было то, чего, по его словам, нет. На кухне, пока кофе убегал из турки. Не самый удобный способ жить как коллеги.

Милена побледнела. Я почувствовала короткое, почти детское удовлетворение и тут же испытала к себе отвращение. Мне хотелось причинить ей боль. Не потому, что это помогало понять Олега, а потому, что моя боль искала соседнее тело.

- Он сказал, что вы не спите вместе, - тихо произнесла она.
- Он соврал.
- Мне?

- Не знаю, Милена. Возможно, для него это не вопрос направления.

- Зачем он вас записывал? - спросила я.

Милена обернулась слишком быстро.

- Это наше дело.

- Нет. После того как запись пошла в мои наушники во время прямого эфира, она стала и моим делом.

- Линию открыл не Олег.

- Откуда ты знаешь?

- Он бы не стал рисковать вашим эфиром.

- Какая трогательная вера в чужого мужа.

- Я знаю его лучше, чем вы думаете.

- Эту фразу тоже лучше не произносить женщине после двадцати восьми лет брака.

- Длительность брака не означает, что вы знаете о человеке все.

- Вот с этим спорить не буду.

Милена опустила глаза. На ее лице появилось что-то похожее на страх, и я вспомнила, как она стояла в красных наушниках, закрыв глаза, пока Олег требовал сказать фразу правильно. В тот момент мне казалось, что она полностью отдается ему. Теперь я не была уверена, где в ее движениях заканчивалось желание и начиналось подчинение.

- Он записывал вас раньше? - спросила я.
- Лариса Викторовна...
- Милена, либо Лариса, либо уходи. После того, что было, отчество выглядит издевательством.

Она кивнула.

- Да. Записывал.
- Ты соглашалась?
- Иногда.
- Что значит "иногда"?
- То и значит.
- Он включал запись без твоего согласия?

Милена долго молчала.

- Я не могу вам ответить.
- Не можешь или не хочешь?
- И то и другое.
- Он угрожает тебе?
- Нет.

Ответ был слишком быстрым. Милена застегнула куртку.

- Вам нужно держаться подальше от юбилейной программы, - сказала она.
- Почему?
- Просто поверьте.
- Ты пришла к женщине, которую обманывала несколько месяцев, и просишь поверить тебе на слово?
- Я пришла, потому что не хотела, чтобы вы слышали это так.

- А как ты хотела? Чтобы Олег сам выбрал правильную запись?

Милена вздрогнула. Совсем немного, но я увидела.

- Что находится на его записях? - спросила я.

- Я не могу.

- Чего он от тебя хочет?

- Сейчас неважно.

- Для тебя, возможно. Для меня важно все, чего мой муж хочет от женщины, которую записывает в соседней комнате.

Она взялась за ручку двери.

- Вы думаете, что главная опасность в том, что он любит другую женщину.

- Я не думаю, что он тебя любит.

Милена повернулась. В ее глазах было столько злости, что я почти пожалела о сказанном. Почти.

- Тогда вы пока ничего не понимаете, - произнесла она.

- Возможно. Но я хотя бы уже не называю измену сложностью.

Милена вышла.

Я осталась в монтажной и несколько минут смотрела на закрытую дверь. Потом сохранила фрагмент со Снегирем, записала время звонка и отправила копию Жанне. Работа была скучной, конкретной и полезной. Она не лечила, но не давала распасться на вопросы, на которые сегодня никто не собирался отвечать.

Домой я вернулась до восьми. Олег был на кухне. Он до-

стал из духовки рыбу, приготовленную накануне, поставил рядом миску салата и спросил, буду ли я есть.

- Буду.

Он не улыбнулся, но плечи у него чуть расслабились.

Мы сидели друг напротив друга и говорили о вещах, которые не требовали доверия. Отопление в спальне стало слишком горячим. Полина прислала фотографию нового рабочего места. В машине нужно менять зимние щетки. Олег знал, что Милена приходила на станцию, но не спрашивал, разговаривали ли мы.

- Она призналась, - сказала я, когда он убирал тарелки.

Олег поставил одну тарелку в мойку, вторую продолжал держать в руке.

- В чем?

- Что спала с тобой.

Он повернулся.

- Лара...

- Не надо делать вид, что тебе нужно подобрать слова. Ты их уже подобрал для нее, для меня и, вероятно, для себя.

- Я не хотел причинить тебе боль.

- Тогда зачем причинил?

Он положил тарелку в мойку и вытер руки полотенцем.

- Это началось как глупость.

- Глупость не длится несколько месяцев. У глупости раньше заканчивается энергия.

- Почему ты ее записывал?

- Мы уже говорили. Это была идея для рекламы.

- Милена так не считает.

- Милена сейчас обижена и напугана.

- Чем?

- Тем, что ее поступок перестал быть тайной.

- Ее поступок?

- Наш, - исправился он. - Я не снимаю с себя ответственности.

Он произнес это правильным тоном. Не слишком виноватым, не защищающимся. Так говорят люди, которые хотят, чтобы признание ответственности заменило последствия.

- Я буду спать в гостевой, - сказала я.

- Я понял.

- Не уверена, что понял.

Я ушла в гостевую. В шкафу там висели мои старые платья, лежали запасные одеяла и коробка с елочными игрушками. Комната всегда была частью дома, но не частью нашей повседневной жизни. Теперь на спинке стула лежала моя одежда, на тумбочке стоял крем для рук, а под кроватью оказались тапочки. Жизнь умеет занимать чужую территорию быстрее, чем человек успевает принять решение.

Я переоделась в длинную футболку и легла с книгой. Читать не получалось. Строки удерживали смысл до конца абзаца, потом рассыпались.

Около одиннадцати Олег постучал.

- Что?

- Можно войти?

- Если уже спросил.

Он вошел в домашних брюках и темной футболке. В руке держал мой телефонный зарядник.

- Ты оставила в спальне.

- Спасибо.

Он положил зарядник на тумбочку и не ушел.

- Милена сказала тебе что-нибудь еще?

- Наконец-то вопрос, который тебя действительно волнует.

- Меня волнует, что с тобой происходит.

- Со мной происходит твоя измена.

- Я знаю.

- Нет, Олег. Ты знаешь свою измену. А мою сторону ты пока только наблюдаешь.

Он сел на край кровати, оставив между нами расстояние. Матрас прогнулся, и мое тело узнало его вес раньше, чем разум успел возразить.

- Я не умею отменять то, что сделал, - сказал он.

- Ты прекрасно умеешь отменять. Вырезать кусок, переставить фразу, убрать дыхание.

- С людьми так не работает.

- Хорошо, что ты заметил.

Он посмотрел на меня. В его лице не было привычной уверенности, но я не знала, настоящая ли это растерянность или еще одна точная интонация.

- Я люблю тебя, - сказал Олег.

- И спишь с Миленой.

- Да.

Прямой ответ оказался почти больнее прежней лжи.

- Как это помещается в одном человеке?

- Плохо.

- Но помещается.

- Да.

Я закрыла книгу и положила рядом. Олег поднял руку, но не коснулся меня.

- Можно? - спросил он.

Я должна была сказать "нет". Это было бы понятно, достойно и легко объяснимо любому человеку, кроме меня самой. Но я смотрела на мужа и чувствовала не только злость. Я помнила, как он пахнет после душа, как проводит ладонью по моей спине, как умеет ждать, пока я сама придвинусь ближе. Любовь не ушла из тела только потому, что разум нашел ей причину уйти.

- Можно, - ответила я. - Но не считай это прощением.

- Не буду.

Он коснулся моей щеки. Медленно, будто спрашивал еще раз. Я могла отстраниться и не сделала этого. Его большой палец прошел по скуле, ладонь легла на затылок. Когда он поцеловал меня, во рту у него был вкус мяты и вина, которого я не видела за ужином.

Я подумала о Милене и все равно ответила.

В этом не было красивой победы над соперницей. Было мое желание, унизительно живое и упрямое. Я хотела понять, принадлежит ли мне хоть что-то в близости с мужем или каждый жест уже повторен с другой женщиной.

Олег наклонился ко мне, и я почувствовала его возбуждение через ткань брюк. Он всегда нравился мне телом. Не как безупречная картинка, а как знакомый мужчина, который знал, где я чувствительна, как не торопить меня, когда мысли мешают желанию. Его ладонь скользнула под футболку, обхватила грудь. Я вздрогнула, но не оттолкнула.

- Лара, - прошептал он.

Я потянула его футболку вверх. Он снял ее и бросил на стул. Я провела пальцами по животу и почувствовала, как он напрягся. Мне было больно от того, что я все еще знала, как сделать ему приятно.

Олег целовал мою шею, грудь, живот. Футболка оказалась на полу. Его рука прошла между моих бедер, и тело ответило раньше, чем я успела пристыдить его за это. Я закрыла глаза. На несколько секунд исчезли студия, красные наушники, Милена, кассета. Остались прикосновения и дыхание мужчины, с которым я прожила большую часть взрослой жизни.

Потом он прижал меня к подушке и тихо сказал:

- Ты звучишь только для меня.

Я открыла глаза.

- Остановись.

Он замер сразу.

- Что?

- Убери руку.

Олег отстранился. Я села, натянула одеяло до груди и почувствовала, как быстро желание превращается в холодную злость.

- Ты говорил это ей, - сказала я.

- Лара...

- Не произноси мое имя так, будто я испортила сцену.

- Я не подумал.

- Вот именно. Тебе даже не пришлось думать. Фраза выходит сама, как кнопка на пульте.

Он сел рядом, провел ладонью по лицу. На тумбочке завибрировал его телефон. Экран загорелся, отражаясь в темном стекле окна.

Олег потянулся к нему, но я уже увидела.

На экране было открыто приложение облачного хранилища. В верхней части списка стояла папка с коротким названием:

"М. Ракитина".

Глава 7. Пауза в двадцать два года

- Что в этой папке?

Олег взял телефон с тумбочки. Экран погас в его руке.

- Рабочие материалы.

- Милена теперь называется рабочими материалами?

- Она продюсер. Мы обсуждали рекламную кампанию для юбилея станции.

Я сидела на кровати, прикрытая одеялом, и смотрела на мужа, который только что целовал мой живот. В другой жизни его объяснение могло бы показаться разумным. У Милены действительно были рабочие файлы. Олег действительно готовил рекламу к юбилею. Папки часто называли именами людей, чтобы не тратить время на длинные подписи.

Только в другой жизни я не слышала его с Миленой в соседней студии.

- Покажи, - сказала я.

Он не ответил сразу.

- Нет.

- Почему?

- Потому что там ее личные записи и черновики. Я не стану показывать их без согласия.

- Как благородно.

- Лара, если я сейчас открою телефон, ты найдешь повод открыть следующую папку. Потом сообщения. Потом пере-

писку с клиентами. И все равно не поверишь тому, что увидишь.

- Возможно, потому что ты уже несколько месяцев показываешь мне не то, что происходит.

Олег встал, надел футболку и взял с пола мою. Положил ее на край кровати, не пытаясь снова коснуться меня.

- Я понимаю, почему ты не доверяешь мне, - сказал он.
- Но я не отдам тебе чужие материалы, чтобы доказать, что сожалею об измене.

- Чужие?

- Милены.

- А запись тоже ее?

Он посмотрел на меня внимательнее.

- Какая запись?

- Та, которую ты делал в студии.

- Я уже объяснил.

- Нет. Ты дал название, а не объяснение.

Олег убрал телефон в карман.

- Мы оба сейчас не в состоянии говорить спокойно.

- Ты спокоен.

- Это не значит, что мне легко.

Он вышел, прикрыв дверь. Я осталась в гостевой комнате без футболки, с одеялом на груди и ощущением, что меня снова поставили перед аккуратно закрытым ящиком. Только теперь я знала, как он называется.

Утром Олег уехал раньше меня. На кухне стояла чистая

сковорода, в кофейнике оставался кофе. Он не был человеком, который после ссоры разбрасывает носки и забывает выключить плиту. Его привычки работали даже тогда, когда брак переставал работать.

Я выпила кофе, оделась и поехала на станцию на такси. Серебряная машина осталась у Олега. Дождя не было, но воздух стал холоднее, на газонах лежали белые края первого слабого заморозка.

Артемий нашел меня в коридоре второго этажа.

- У вас есть десять минут? - спросил он.

- Если разговор неприятный, могу выделить пятнадцать.

- Пока технический.

Он держал в руке прозрачный пакет с кассетой. Пакет был подписан моей фамилией и датой, что почему-то успокоило. Рядом с Артемием любая вещь быстро получала место, подпись и право не исчезнуть.

Мы вошли в монтажную, где он работал. На столе стояли ноутбук, небольшой кассетный проигрыватель, внешний звуковой интерфейс и две чашки. Одна была пустой, во второй остывал чай.

- Я сделал копии, как обещал, - сказал он. - Одна на этом диске, вторая у меня в закрытом хранилище. Оригинал верну вам.

- Вы что-нибудь восстановили?

- Не в том смысле, в котором вам хотелось бы. На пленке есть фрагменты, но части между ними перезаписаны. Это не

пазл, где все кусочки лежат на столе.

- Можно понять, когда ее записали?

Артемий снял очки и посмотрел на кассету через прозрачный пакет.

- Приблизительно.

- Насколько приблизительно?

- Не вчера и не пять лет назад. Скорее конец девяностых или начало двухтысячных.

Я села.

- Почему?

- Сама кассета выпускалась давно, но это ничего не доказывает. Люди до сих пор находят старые запасы. Важнее служебный сигнал в начале пленки и тип оборудования. Там есть короткий фрагмент настройки, который, вероятно, случайно оставили. Такой генератор стоял в старом Доме радио до реконструкции.

- В нашем?

- В том здании, где станция работала раньше. Еще до бывшего телеграфа.

Я помнила старый Дом радио. Серое четырехэтажное здание с тяжелыми дверями, узкими лестницами и лифтом, который останавливался между этажами, если в него заходили трое взрослых и коробка пленок. В первые годы я вела там дневные включения и ночные разговорные программы. Потом несколько редакций переехали, часть помещений закрыли после пожара, а через несколько лет "Город говорит"

окончательно обосновался в бывшем телеграфе.

- Сколько лет? - спросила я.

- Около двадцати. Может, чуть больше.

Я положила ладони на колени, чтобы не теревить ремень сумки.

- Женщина на записи могла работать там?

- Могла. Но могла прийти в гости, на пробу, на запись песни. Старое здание жило без нынешней системы пропусков. Половина города однажды оказывалась в его коридорах.

- Вы узнаете голос?

Артемий помолчал.

- Не уверен.

- Это вежливое "нет"?

- Это честное "не уверен". Запись интимная, голос меняется. И монтаж мешает.

- А если бы пришлось назвать человека?

Он посмотрел на меня поверх очков.

- Лариса, названное имя уже нельзя будет не услышать. Даже если я ошибусь.

- Я понимаю.

- Не думаю.

Мне не понравился его ответ, но он был прав. За последние дни любое предположение быстро превращалось в часть моей жизни. Я увидела папку с именем Милены и уже представляла внутри записи, хотя не знала, что там лежит. Услышала Снегиря и связала ее страх с Олегом, хотя женщина не

назвала его.

- Тогда не называйте, - сказала я. - Скажите, почему сомневаетесь.

Артемий включил короткий фрагмент. Женщина тихо смеялась, потом произносила знакомую фразу. В качественной записи ее голос звучал ближе и моложе, чем на старом магнитофоне. В нем была хрипотца на нижних нотах.

Такая же хрипотца была у Милены.

- Похожа на нее, - сказала я.

- На кого?

- На Милену Ракитину.

Артемий остановил запись.

- Ракитину?

- Да. Моего продюсера.

Он не сказал ничего, но его лицо изменилось. Не резко. Просто внимательность стала другой, как если бы в комнате появился человек, которого он не ожидал увидеть.

- Что? - спросила я.

- Сколько лет Милене?

- Тридцать один.

- Она из Белоярска?

- Кажется, да. Училась в другом городе, потом вернулась.

Почему?

Артемий снял наушники и положил их на стол.

- Вы знали Ирину Ракитину?

Имя я помнила. Не сразу лицом, а старой газетной поло-

сой, которую много лет держали под стеклом в коридоре Дома радио. Молодая женщина с темными волосами, микрофон, черная траурная рамка.

- Певица, - сказала я. - Она погибла при пожаре.

- И ведущая. Недолго, но вела музыкальную программу.

- Я не помнила фамилию.

- Ракитина.

Я посмотрела на остановленную дорожку.

- Вы думаете, Милена ее дочь?

- Я ничего не думаю без подтверждения. Но возраст подходит.

Подходил не только возраст. Милена редко говорила о семье. Однажды, когда мы готовили эфир о взрослых дочерях, она сказала, что мать умерла, когда она была ребенком. Я не спросила подробностей. Не из равнодушия. На работе люди иногда сообщают о своей боли одной короткой фразой, и не всякая фраза является приглашением войти.

- Вы знали Ирину? - спросила я.

- Да.

- Хорошо?

- Мы работали в одном здании. Она записывала песни, делала короткие эфиры, спорила со звукорежиссерами и приносила на ночные смены пироги, которые невозможно было есть без риска для зубов. Это не называется "хорошо", но забыть ее было трудно.

- А Олег?

Артемий отвел взгляд к ноутбуку.

- Олег работал с ее записями.

- Они были близки?

- Я не знаю.

- Вы опять осторожничаете.

- Потому что Ирина погибла, Олег ваш муж, а на столе лежит интимная запись женщины, чей голос может принадлежать кому угодно. Осторожность здесь не недостаток характера.

Я встала и прошлась до двери. В монтажной было тесно, два шага в одну сторону, два обратно.

- Расскажите о пожаре.

Артемий не торопился.

- Что именно?

- То, что помните.

- Ночь, дым, пожарные машины, люди в коридоре. Я приехал утром, когда огонь уже потушили.

- А официальная версия?

- Короткое замыкание в старой студии. Ирина осталась внутри одна. Дверь заклинило от жара.

- Вы не верите?

- Я не пожарный.

- Это не ответ.

- Хорошо. Мне всегда казалось, что версия получилась слишком удобной.

Он сел на край стола, сложив руки на груди.

- В старом здании было много опасной проводки. Короткое замыкание никого не удивило. Ирина иногда оставалась после записи, это тоже знали. Но до приезда пожарных из архива исчезла часть лент.

- Сгорела?

- Нет. Исчезла. Полки стояли в другом конце коридора, огонь туда почти не дошел.

- Какие ленты?

- Ее записи. Несколько рабочих катушек и кассет. Потом решили, что Ирина сама забрала их раньше или кто-то перепутал при эвакуации.

- А вы?

- Я решил, что в ночь пожара люди редко заходят в задымленное здание, чтобы случайно перепутать коробки.

В коридоре прозвенел телефон. Кто-то рассмеялся, прошел мимо двери. Обычный рабочий день продолжался в нескольких шагах от разговора о женщине, погибшей двадцать два года назад.

- Почему вы не говорили об этом? - спросила я.

- Говорил. Не громко и не долго. У следствия были свои выводы. У руководства станции были планы на переезд. У меня не было доказательств.

- Олег тоже считал версию удобной?

- Олег не любил обсуждать пожар.

- Но вы работали с ним после?

- Да.

- И не спрашивали?

- Спрашивал. Он сказал, что Ирина была талантливой, но неуравновешенной. Что она могла сама унести записи и забыть. Потом попросил не превращать трагедию в сплетню.

Фраза звучала настолько по-олеговски, что я почти услышала его голос.

- На кассете Ирина? - спросила я.

- Возможно.

- И она была у Олега.

- Кассета лежала в коробке с его именем. Это факт. Все остальное пока предположение.

- Мне не нравится, когда вы так говорите.

- Мне тоже. Но факты обычно менее выразительны, чем страх. Зато на них можно опереться.

Я посмотрела на Артемия. Он не пытался произвести впечатление. Не предлагал немедленно спасти меня, не обвинял Олега, не давал обещаний. Просто удерживал границу между тем, что мы знали, и тем, чего боялись.

- Можно еще раз послушать начало? - спросила я.

Он включил запись.

Женщина смеялась, потом просила Олега выключить запись. В какой-то момент я услышала не только сходство с Миленой. В голосе было другое, знакомое по старым эфирам: легкая растяжка гласных, почти певческая, которую молодые ведущие сейчас старались убирать.

- Ирина пела? - спросила я.

- Да.

- У Милены хороший слух. Она никогда не говорила, что ее мать была певицей.

- Может, не хотела.

- Или пришла сюда именно поэтому.

Артемий остановил запись.

- Не спрашивайте ее в коридоре.

- Я умею разговаривать с людьми.

- Я слышал ваши эфиры. Но если Милена действительно дочь Ирины и скрывала это, у нее была причина.

- Она спит с моим мужем.

Слова прозвучали грубо. Артемий не отвел глаз.

- Тогда причин может быть больше одной.

Я забрала кассету и диск. В дверях остановилась.

- Почему вы спросили, сколько ей лет, если не узнали голос?

- Потому что фамилия редкая.

- Только поэтому?

Он поправил очки.

- У Ирины была маленькая дочь. Я видел ее однажды на станции. Девочка сидела в красных наушниках, которые были ей велики.

Я вышла в коридор.

Жанна нашла в редакторской. Она спорила по телефону с отделом рекламы, одновременно исправляла текст на бумаге и показывала Нелли, где поставить подпись. Когда уви-

дела мое лицо, закончила разговор быстрее обычного.

- Что случилось?

- Ты помнишь Ирину Ракитину?

Жанна перестала писать.

- Откуда ты...

- Помнишь?

- Конечно. Я тогда только пришла на станцию. После пожара нас неделю гоняли по кабинетам с проверками.

- Милена ее дочь?

Жанна отложила ручку.

- Не знаю.

- Ты не заметила фамилию?

- Заметила. Но люди с одинаковыми фамилиями существуют, Лариса. И Милена никогда не говорила. Я решила, что если захочет, расскажет сама.

- А Олег знал Ирину?

- Все знали Ирину.

- Не в этом смысле.

Жанна посмотрела на Нелли. Та поняла без слов, собрала бумаги и вышла, закрыв дверь.

- Что сказал Артемий?

Я рассказала о возрасте кассеты, старом Доме радио и пропавших лентах. Про папку "М. Ракитина" тоже рассказала. Не стала говорить только о том, как именно увидела экран телефона. Для факта это не имело значения, а произносить вслух подробности ночи я пока не могла.

Жанна слушала, не перебивая.

- Нужно найти старый список сотрудников, - сказала она.

- Зачем?

- Чтобы перестать строить догадки на фамилиях. В архиве должны быть карточки, фотографии, приказы. Если Ирина работала с Олегом, это будет видно.

- Доступ есть?

- Пока я главный редактор, доступ есть ко всему, кроме денег и здравого смысла руководства.

Мы пошли в архив. В отличие от комнаты, где нашлась кассета, старые документы хранились в дальнем помещении за металлической дверью. Там пахло картоном и пылью. На стеллажах стояли папки по годам, коробки с фотографиями, подшивки газет и рекламные буклеты, которые никто не решился выбросить.

Жанна нашла нужный год быстрее меня.

- Пожар был осенью, - сказала она. - Значит, ищем летние мероприятия и начало сезона.

Мы разложили на столе несколько конвертов. На снимках люди стояли у микрофонов, держали грамоты, ели торт на чьем-то дне рождения. Молодые лица узнавались не сразу. Жанна на одной фотографии была с короткой стрижкой и огромными серьгами.

- Не смейся, - предупредила она.

- Я ничего не сказала.

- У тебя лицо говорит.

- Это профессиональное.

Она фыркнула и открыла следующий конверт.

Фотографию нашла я.

На ней стояли шесть человек возле вывески старого Дома радио. В центре была молодая женщина с темными волосами и яркой улыбкой. Она держала в руке свернутый лист, словно только что закончила выступление. Рядом с ней стоял Олег.

Ему было чуть больше тридцати. Волосы темнее, лицо худее, рубашка расстегнута у воротника. Он смотрел не в объектив, а на женщину рядом.

- Это Ирина? - спросила я.

Жанна наклонилась ближе.

- Да.

- А Олег говорил, что почти ее не знал.

- Может, фотография случайная.

- Может.

Я перевернула снимок.

На обороте синими чернилами были написаны имена. По-черк я узнала сразу. Олег много лет подписывал коробки с домашними фотографиями, диски, банки с вареньем, если боялся перепутать вишню и смородину.

Под списком стояла отдельная фраза:

"Настоящий голос не боится огня".

Глава 8. Дом, где все слышно

Копию фотографии Жанна сделала на старом сканере в редакторской. Оригинал мы вернули в архивный конверт, вложив между снимками чистый лист, чтобы не стерлась надпись на обороте. Я сохранила два файла: лицевую сторону и почерк Олега.

- Не отправляй себе на рабочую почту, - сказала Жанна.

- Почему?

- Потому что я теперь не знаю, кто видит нашу рабочую почту.

Еще несколько дней назад подобная осторожность показалась бы мне чрезмерной. Теперь я записала копии на флешку и убрала ее в кошелек, между скидочной картой аптеки и старой фотографией Полины на документы.

Домой я приехала вечером одна. Олег написал, что задержится в "Резонансе" до девяти. В прихожей было тепло, в кухне тихо гудел холодильник, из гостиной доносился приглушенный звук телевизора, который мы оставляли включенным для ощущения присутствия. Я сама включила его утром, выходя последней.

Раньше дом казался мне местом, где ничего не нужно объяснять. Я знала, какая половица скрипит у спальни, где лежат запасные батарейки, почему дверца верхнего шкафа закрывается только со второго раза. Олег знал то же самое. Мы

не обсуждали каждую вещь, потому что двадцать восемь лет семейной жизни превращают множество решений в фон.

В тот вечер фон перестал быть незаметным.

На полке под телевизором стоял небольшой сетевой накопитель. Черная коробка с двумя зелеными огоньками. Олег купил ее несколько лет назад и сказал, что будет хранить там семейные фотографии и музыку, чтобы не забивать ноутбук. Я пользовалась накопителем пару раз, когда искала снимки с Полининого выпускного. Потом забыла о нем.

Сейчас один огонек часто мигал.

Я подошла ближе. На корпусе не было ничего пугающего: марка, кнопка питания, кабель, уходящий за тумбу. Рядом лежал пульт и тонкий слой пыли, который говорил только о том, что я давно не протирала эту полку.

Я не стала отключать коробку. Не стала искать пароль. Накопитель мог действительно содержать фотографии и музыку. Он мог хранить рабочие файлы Олега, резервные копии рекламы, старые программы. Подозрение не делало меня специалистом по чужой технике.

Но я впервые подумала о том, сколько памяти находилось в нашем доме без моего участия.

В кабинете Олега было аккуратно. Он не любил, когда на столе лежало больше вещей, чем нужно для текущей работы. Монитор, клавиатура, блокнот, стакан с ручками. На боковой полке стоял старый цифровой диктофон в серебристом корпусе. Я помнила его. Олег брал диктофон в поездки, за-

писывал шум улиц, объявления на вокзалах, случайные разговоры в кафе, если люди соглашались. Потом использовал звуки в рекламе.

По крайней мере, так он говорил.

Я нажала кнопку питания. Экран не загорелся. Батарейки, вероятно, сели. Открывать отсек и искать новые я не стала. Вместо этого положила диктофон точно на прежнее место.

Нижний ящик стола оказался заперт.

Я потянула ручку один раз, без усилия. Замок был маленький, обычный. Ключа не видно. В браке всегда есть закрытые ящики, даже если люди любят друг друга. У меня в рабочем столе лежали письма слушательниц, которые Олег никогда не читал. У него были договоры, клиентские данные и черновики. Сам факт замка не был преступлением.

Только раньше я не знала о кассете, исчезнувших лентах и женщине, чей голос Олег хранил больше двадцати лет.

Я вышла из кабинета и закрыла дверь.

В кухне налила воду, поставила чайник и достала семейную папку с документами. Она хранилась в шкафу рядом с гарантийными талонами и инструкциями к технике. Папка была общей. В ней лежали квитанции, страховки, договор на интернет, копии документов на машину и распечатки по домашнему счету, с которого мы оплачивали коммунальные услуги.

Олег вел хозяйственные платежи чаще меня, но не потому, что я не умела. Ему нравились таблицы. Мне нравилось,

что не нужно помнить дату оплаты воды.

Я просмотрела последние выписки. Электричество, отопление, интернет, страховка, подписка на онлайн-кинотеатр. Ничего необычного.

Потом заметила строку: "Внешнее хранилище данных. Персональный тариф".

Сумма была не огромной, но списывалась каждый месяц. Я перелистнула несколько листов назад. Платеж повторялся. Еще год назад тоже. И два года назад.

Название компании я не знала. На распечатке был только короткий код и назначение. Я сфотографировала строку на телефон, затем открыла старую папку с выписками. Платежи начинались не меньше шести лет назад.

Почему персональное хранилище Олега оплачивалось с домашнего счета, если у "Резонанса" были собственные серверы и бухгалтерия?

Ответ мог быть скучным. Так удобнее. Так дешевле. Он оформил подписку до того, как студия выросла. Люди годами платят за сервисы, которыми почти не пользуются, потому что забывают отменить.

Но Олег редко забывал отменять платежи.

Я переписала название компании и вернула документы на место. Ничего не забрала. Если Олег заметит, что я искала, он начнет готовить объяснение до того, как я пойму вопрос. Телефон зазвонил, когда чайник выключился. Полина.

Я посмотрела на экран и несколько секунд не отвечала. Дочь звонила по видеосвязи, значит, хотела не только услышать нас, но и увидеть. Я не знала, что увидит она.

- Мам, привет, - сказала Полина, когда я приняла вызов.

- Вы дома?

- Я дома. Папа пока на работе.

- Опять?

- У них юбилейная реклама.

Полина сидела у себя на кухне. За ее спиной стояла сушилка с кружками, на холодильнике висел список покупок. Волосы она собрала в небрежный пучок, на щеке осталась светлая полоска от подушки или шарфа.

- Ты устала, - сказала она.

- У меня были эфиры.

- У тебя всегда эфиры, но обычно ты не смотришь так, будто слушательница попросила помочь спрятать тело.

Я рассмеялась, хотя шутка попала слишком близко к моим мыслям.

- Никто пока не просил.

- "Пока" звучит тревожно.

- Как работа?

Полина закатила глаза и начала рассказывать о новом проекте, начальнике, который назначает встречи на время обеда, и коллеге, способной обсуждать один шрифт дольше, чем некоторые люди обсуждают развод. Я слушала и задавала вопросы. Это было легко и больно одновременно. Дочь жила

своей жизнью, уверенная, что родители находятся на привычном месте и могут быть фоном для ее жалоб.

Не хотелось отнимать у нее эту уверенность по видеосвязи.

В замке повернулся ключ.

- Папа пришел, - сказала я.

Олег вошел на кухню, снял пальто и сразу заметил экран.

- Полинка, привет.

Он наклонился к телефону, улыбнулся. Не натянуто, не слишком весело. Его лицо стало тем, каким дочь знала его всю жизнь.

- Пап, ты опять поздно, - сказала Полина.

- Начальник плохой.

- Ты начальник.

- Поэтому жаловаться особенно некому.

Олег вымыл руки, открыл холодильник и спросил, ела ли я. Потом поставил на стол контейнер с готовой едой из кафе возле студии. Полина продолжала рассказывать о работе. Он слушал, уточнял имена людей, которых я уже путала, спросил, починили ли ей батарею и привезли ли книжный стеллаж.

- Привезли, - сказала Полина. - Но он кривой.

- Кривой относительно пола или сам по себе?

- Папа, это стеллаж. Он просто кривой.

- У стеллажей тоже есть достоинство. Пришли фотографию.

- Ты за триста километров.

- От этого мебель не становится ровнее, но я хотя бы скажу, можно ли исправить.

Я смотрела на них и чувствовала, как внутри поднимается обида, которой не находилось удобного адресата. Олег был хорошим отцом. Он не изображал интерес к Полине ради меня, не забывал ее мелкие проблемы, не требовал благодарности за каждый совет. Измена не отменяла этого.

И то, что он был хорошим отцом, не отменяло измену.

- Мам, у тебя точно все нормально? - спросила Полина.

Я успела заметить, как Олег взглянул на меня.

- У меня сложная неделя, - ответила я.

- Вы не поссорились?

- Мы разговариваем.

- Это не ответ.

- Другого пока нет.

Полина нахмурилась, но Олег спокойно сказал:

- Мы разберемся. Не переживай раньше времени.

Он не соврал прямо. В этом состояло одно из его главных умений.

После звонка Олег убрал телефон на стол и достал две тарелки.

- Ты могла сказать ей, - произнес он.

- По видеосвязи? Между кривым стеллажом и батареей?

- Нет. Я просто не хочу, чтобы ты молчала ради меня.

- Я молчала ради нее.

Он кивнул.

- Понимаю.

- Не уверена.

- Лара, я тоже ее отец.

- Именно поэтому мне тяжело.

Олег разложил еду, подвинул мне вилку. В контейнере были рис, овощи и курица. Я не хотела есть, но с обеда ничего не успела, поэтому села.

- Давай уедем на выходные, - сказал он.

- Куда?

- Куда захочешь. Можно в дом отдыха на Волге. Можно просто снять квартиру в другом районе, выключить телефоны и поговорить.

- О чем?

- О нас.

- Милена входит в "нас"?

Он положил вилку.

- Она готова уволиться со станции.

- Ты уже обсудил это с ней?

- Да.

- Когда?

- Сегодня.

- В папке "М. Ракитина"?

Олег чуть заметно выдохнул.

- Я не собираюсь спорить о названии папки.

- А о содержимом?

- Там записи для проекта и ее рабочие материалы.
- Интимные записи тоже рабочие?
- Лара, я понимаю, как это выглядит.
- Нет. Ты понимаешь, что я увидела. Как это выглядит целиком, знаешь только ты.

Он отодвинул тарелку.

- Если Милена уйдет, это поможет?

- Нет.

- Совсем?

- Она может уйти со станции, из твоей студии, из города.

Это не уберет то, что ты сделал. И не объяснит, зачем ты это делал.

- Я совершил ошибку. Не одну. Я не прошу забыть.

- Ты предлагаешь выходные, будто наш брак можно отвезти на Волгу и там починить.

- Я предлагаю время без людей, которые сейчас говорят тебе, что я чудовище.

- Никто не говорил мне, что ты чудовище.

- Но ты уже так смотришь.

Я отложила вилку.

- Я сегодня нашла старую фотографию.

Он не пошевелился.

- Какую?

- Из Дома радио. Ты стоишь рядом с Ириной Ракитиной.

Пауза длилась меньше секунды. Возможно, другой человек ее не заметил бы. Но я прожила с Олегом двадцать во-

семь лет. Я видела, как он теряется, когда забывает имя знакомого, как раздражается, когда техника не подчиняется, как собирается перед неприятным разговором.

Сейчас его пальцы сжали край стола.

Потом он отпустил.

- В архиве много фотографий, - сказал Олег.
- Кто она?
- Ты знаешь. Певица. Вела программу.
- Кем она была для тебя?
- Коллегой.
- Артемий говорит, ты работал с ее записями.
- Артемий любит старые истории.
- Она погибла при пожаре.
- Я помню.
- На обороте фотографии твоя надпись.

Олег посмотрел на меня без улыбки.

- Какая?
- "Настоящий голос не боится огня".

В кухне щелкнул холодильник. Олег не отвел глаз, но его лицо стало жестче. Не виноватым, не испуганным. Скорее недовольным тем, что кто-то открыл коробку, которую он считал закрытой.

- Молодые люди пишут глупости, - сказал он.
- Ты почти не изменился.
- Это должно быть комплиментом?
- Нет.

- Ирина любила красивые фразы. Возможно, я написал для нее что-то подходящее.

- Ты говорил, что почти ее не знал.

- Я работал с ней несколько раз. Она была заметной, шумной, всем казалось, что они ее знают.

- Милена ее дочь?

Олег взял стакан воды. На этот раз пауза была длиннее.

- Спроси Милену.

- Ты знал?

- Да.

- С самого начала?

- Да.

- И все равно спал с ней?

Он поставил стакан на стол.

- Это не связано.

- С чем именно? С ее матерью, с пожаром или с кассетой, которая лежала в коробке с твоим именем?

Олег поднял голову.

- Ты взяла кассету?

Первый настоящий вопрос за весь разговор.

- Почему тебя волнует кассета?

- Потому что старые записи легко понять неправильно.

- Артемий считает, что она смонтирована.

- Конечно. Он всегда считал монтаж обманом, если делал его не сам.

- На пленке Ирина?

- Не знаю.
- Ты не узнаешь женщину, которую записывал?
- Я записывал сотни людей.
- Во время секса?

Олег встал и подошел к окну. За стеклом отражалась кухня, стол, две тарелки и я. Снаружи двор был почти темным.

- Лара, я понимаю, что ты ищешь причину, которая делает мою измену еще хуже. Возможно, так легче решить, что делать со мной.

- Мне не нужно делать ее хуже.
- Тогда не смешивай Милену, старый пожар и кассету только потому, что фамилия совпала.

- Ты знал, что она совпала.

- Да.

- Почему не сказал мне?

- Потому что это не моя история.

- Ты сделал ее своей, когда лег с Миленой.

Он повернулся.

- Я не собираюсь обсуждать с тобой ее мать.

- Почему?

- Потому что Ирина умерла много лет назад.

- И это должно отменить вопросы?

- Нет. Но мертвые люди не могут ответить, а живые начинают придумывать за них.

- Ты сейчас говоришь о себе?

Олег посмотрел на меня так, будто я пересекла невиди-

мую черту.

- Ирина была женщиной, которая слишком любила драму.

Глава 9. Снегирь

Снегирь написала на почту передачи утром.

Письмо состояло из трех строк. Она просила не звонить, не отвечать с рабочего адреса и прийти одной в кафе возле старого рынка. Внизу стояло имя: Софья Мельникова.

Нелли распечатала письмо и принесла мне, не пересылая.

- Я проверила адрес только в пределах того, что видно обычному пользователю, - сказала она. - Создан давно. Не одноразовый.

- Ты уверена, что это она?

- Нет. Но в теме письма написано "Снегирь", а фраза про звонок повторяет то, что она сказала в эфире.

- Кто еще видел?

- Жанна. Тимур не видел. Борис тем более.

- Почему "тем более"?

- Потому что он сейчас спрашивает, почему мы пригласили стороннего специалиста проверять систему, если у станции есть договор с "Резонансом".

- И что ты ответила?

- Что сторонний специалист дешевле. Борис понимает только аргументы, которые можно поставить в таблицу.

Я улыбнулась, но ненадолго.

- Если я не вернусь через час, позвони мне.

Нелли нахмурилась.

- Может, все-таки не одной?
- Она попросила одну. И мы встречаемся днем в обычном кафе.
- Обычные кафе тоже не выдают справку о безопасности.
- Я сяду у окна.
- Это не поможет.
- Тогда хотя бы ты увидишь меня с улицы, если понадобится.

Нелли вздохнула и записала адрес.

До кафе я доехала на автобусе. Машину Олег оставил мне утром, но садиться за руль не хотелось. После вчерашнего разговора мы почти не говорили. Он спал в спальне, я в гостиной. На кухонном столе утром лежал список продуктов, которые он собирался купить после работы. Ни Ирины, ни Милены, ни кассеты в этом списке не было.

Кафе находилось на первом этаже старого торгового дома. За стеклом сидели женщины с пакетами, двое студентов делили большую тарелку картофеля, мужчина у стойки спорил о цене выпечки. Никакой отдельной комнаты, приглушенного света и других удобств для страшных признаний.

Софью я узнала не по лицу, а по тому, как она подняла голову, когда открылась дверь. Голос Снегиря принадлежал женщине лет шестидесяти с короткими светлыми волосами и аккуратным серым пальто. Перед ней стояла чашка чая, к которой она не притронулась.

- Лариса Викторовна?

- Просто Лариса.

- Садитесь.

Я сняла пальто и повесила на спинку стула. Софья следила за моими руками, словно проверяла, не достану ли я диктофон.

- Я ничего не записываю, - сказала я.

- Телефон?

Я положила его на стол экраном вверх.

- Выключить?

- Нет. Если выключите, я подумаю, что там все равно что-то работает.

- Хорошо.

Подошла официантка. Я заказала чай. Софья дождалась, пока девушка отойдет.

- Вы одна?

- Да.

- Никто не знает, что я здесь?

- Две мои коллеги знают адрес, потому что я не могу исчезнуть с работы без объяснения. Вашего имени они не знают.

Софья кивнула.

- Жанна знает, - добавила я.

- Редактор?

- Да.

- Она тогда была?

- Давно работает. Вы разговаривали с ней?

- Не помню. До эфира со мной говорила женщина. Может, она.

Софья взяла чашку обеими руками. Пальцы у нее были тонкие, с короткими ногтями без лака.

- Я звонила вам больше десяти лет назад, - сказала она. - Назвалась Светланой.

- Помните тему?

- Измена.

- Вы сказали это в эфире.

- У меня не было измены. Не настоящей.

Я ждала.

- Я работала бухгалтером в торговой компании, - продолжила Софья. - Начальник был женат. Я тоже была замужем. Он нравился мне, и я ему, наверное, тоже. Ничего не случилось. Несколько раз задерживались вместе, пили кофе, разговаривали. Один раз он поцеловал меня в машине. Я сразу вышла и потом неделю не могла смотреть на мужа.

- Поэтому позвонили?

- Да. Хотела понять, считается ли это изменой, если я сама хотела продолжения, но не продолжила.

Я не помнила конкретный эфир. За годы через программу прошли сотни похожих историй. Женщины спрашивали, где начинается предательство: в сообщении, поцелуе, гостиничном номере или в мысли, которую скрываешь от человека рядом.

- В эфире вы рассказали про поцелуй? - спросила я.

- Нет. Испугалась. До подключения рассказала женщине, которая принимала звонок. А вам сказала только, что мне нравится женатый мужчина.

Официантка принесла чай. Мы замолчали. Софья дождалась, пока чашка окажется передо мной.

- Через несколько недель мне пришло письмо, - сказала она. - Бумажное. Домой.

- С обратным адресом?

- Нет.

- Что было внутри?

- Диск и записка. На диске мой голос.

Она открыла сумку и достала плотный белый конверт, пожелтевший по краям. Положила на стол, но не отпустила.

На лицевой стороне был напечатан ее старый адрес. В левом верхнем углу вместо обратного адреса находился маленький рисунок: красные наушники.

Не логотип известной фирмы. Просто две дуги и круглые чашки, нарисованные так, чтобы цвет сразу бросался в глаза.

- Можно? - спросила я.

Софья убрала руку.

Я не стала открывать конверт. На краю был виден надрыв, внутри что-то твердое лежало в бумажном кармашке.

- Диск еще там?

- Да.

- Вы его слушали?

- Много раз. Сначала не поверила. Потом думала, что если

буду слушать внимательно, пойму, где обман.

- Что на записи?

Софья посмотрела в окно.

- Будто я признаюсь начальнику, что спала с ним. Будто говорю, что готова уйти от мужа и что мне нравится, когда он приказывает. Там мой голос. Каждое слово мое.

- Но вы не говорили этого?

- Не так. Отдельные слова говорила оператору. Она спрашивала, что бы я сделала, если начальник предложит встретиться. Я сказала, что не знаю, возможно, согласилась бы. Еще спрашивала, люблю ли мужа. Я ответила, что люблю. На записи получилось: "Я согласилась бы. Я не люблю мужа".

Я почувствовала, как горячая чашка обжигает пальцы.

- Вы уверены, что оператор спрашивала именно это?

- Я не обвиняю вашу женщину. Она разговаривала нормально. Я сама хотела, чтобы меня успокоили. Болтала лишнее, пока ждала эфир.

- Разговор до эфира не должен был никуда попасть.

- Но попал.

- Что было в записке?

- Адрес электронной почты и фраза: "Не обязательно делать, чтобы прозвучало".

Софья произнесла ее без выражения, словно повторяла слишком много раз.

- Вы написали?

- Конечно. Я боялась, что диск отправят мужу или началь-

нику. У меня тогда сын заканчивал школу, ипотека, мать после инсульта. Один такой файл мог разрушить все, хотя ничего не было.

- Чего он потребовал?

- Сначала ничего. Сказал, что хочет помочь мне быть честнее с собой.

- Мужчина?

- Да.

- Вы слышали голос?

- По телефону. Он позвонил через несколько дней. Номер не определился.

- Вы узнали его в эфире?

Софья подняла глаза.

- Нет. Тогда он говорил иначе. Медленнее. Иногда как будто улыбался.

- Он требовал денег?

- Никогда.

- Встречи?

- Один раз.

- Интимной?

- Нет.

Она сказала это твердо, и я не стала уточнять.

- Что ему было нужно?

Софья провела пальцем по краю конверта.

- Чтобы я отвечала на вопросы. Иногда звонил вечером и спрашивал, где муж, о чем мы говорили за ужином, думаю

ли я о начальнике. Просил повторять фразы.

- Какие?

- Разные. "Я умею хранить тайну". "Я говорю правду только тебе". "Мне нравится, когда ты знаешь обо мне больше других".

Она замолчала.

- Были и другие.

- Не нужно говорить, если не хотите.

- Я говорила тогда. Почему сейчас должна стесняться?

В ее голосе появилась злость. Не на меня, возможно, даже не на человека, который звонил. На ту давнюю себя, которая повторяла чужие слова, чтобы сохранить семью.

- Он просил сказать, что я мокрая, когда слышу его голос, - произнесла Софья. - Просил описать, что сделала бы, если бы он стоял рядом. Я не хотела. Он включил мне кусок записи и сказал, что мужу будет интересно услышать продолжение.

Я не нашла ответа, который не звучал бы пустым.

- Вы сказали?

- Да.

- Он записал?

- Думаю, да.

- Потом использовал?

- Не знаю.

Софья отпила чай. Он давно остыл.

- Почему вы не пошли в полицию? - спросила я и сразу

пожалела о формулировке.

Она усмехнулась.

- С чем? С диском, где мой голос признается в измене? С рассказом, что неизвестный мужчина заставляет меня говорить грязности по телефону? Я боялась, что первым делом позовут мужа и дадут ему послушать.

- Простите. Я не должна была спрашивать так.

- Должны. Все спрашивают. Я сама себя спрашивала.

- Как долго это продолжалось?

- Несколько месяцев. Потом он перестал звонить.

- Просто перестал?

- Сказал, что я скучная.

Она улыбнулась, но глаза остались напряженными.

- Это было обидно. Представляете? Я боялась его, ненавидела, а когда он назвал меня скучной, мне стало обидно. Будто я не прошла экзамен.

- В этом нет ничего странного. Он заставил вас ждать оценки.

- Вы говорили так же тогда.

- Что именно?

- Что человек, который держит вас в страхе, постепенно становится главным зрителем вашей жизни. И вы начинаете выступать даже тогда, когда хотите уйти со сцены.

Я не помнила этих слов. Возможно, действительно сказала. Возможно, Софья за годы изменила их и сделала точнее. Мне хотелось верить, что эфир хоть немного помог, но пе-

редо мной лежал конверт, который доказывал обратное.

- Я должна была защитить ваш звонок, - сказала я.

- Вы не знали.

- Это не отменяет.

- Нет. Но вы не звонили мне потом.

Софья впервые посмотрела на меня без недоверия.

- Почему вы позвонили сейчас? - спросила я.

- Услышала вас в той передаче. Вы говорили со мной иначе.

- Как?

- Будто тоже чего-то боитесь.

Я опустила взгляд на конверт.

- Боюсь.

- Его?

- Я пока не знаю, кого именно.

- Знаете.

Софья сказала это без нажима.

- Вы встречались с мужчиной, который звонил? - спросила я.

- Один раз. В этом же кафе, только тогда здесь были другие столы. Он пришел раньше, сел у окна и сказал, что может уничтожить запись, если я перестану врать себе.

- Он назвался?

- Нет. Я не спросила.

- Почему?

- Потому что уже знала, что он знает мой адрес, работу,

имя мужа и то, что я сказала вашей оператору. Имя показалось самой бесполезной частью.

Я достала телефон.

- Можно показать вам фотографию?

Софья напряглась.

- Зачем?

- Не знаю, тот ли это человек. И не хочу подсказывать ответ. Просто посмотрите.

Я открыла снимок с юбилея студии "Резонанс", который нашла в интернете еще до встречи. На нем Олег стоял рядом с сотрудниками, в темной рубашке, спокойный и уверенный. Я положила телефон на стол.

Софья не коснулась экрана.

Лицо у нее изменилось не сразу. Она наклонилась ближе, потом откинулась на спинку стула.

- Это он, - сказала она.

- Вы уверены?

- Да.

- Его зовут Олег Веденеев.

Софья посмотрела на меня.

- Веденеев?

- Мой муж.

Она закрыла глаза. Несколько секунд сидела неподвижно, потом убрала конверт обратно в сумку.

- Я не знала, - произнесла она.

- Я тоже.

- Вы поэтому спрашивали в эфире?

- Я ничего не спрашивала. Вы позвонили сами.

- Нет, я не про тот эфир. Про старый. Вы сказали мне, что страх не обязан быть верностью.

- Софья, я не помню точных слов.

- А он помнил.

Мне стало холодно, хотя в кафе было душно.

- Что вы имеете в виду?

- На встрече он повторил вашу фразу. Сказал, что вы правы, только верность нужна не мужу, а человеку, который знает правду.

- Он слушал доэфирный разговор.

- Да.

- И сам эфир.

- Думаю, да.

Софья застегнула сумку.

- Вы отдадите мне конверт на время? - спросила я.

- Нет.

- Я могу сделать копию диска, не изменяя оригинал.

- Нет. Простите. Я хранила его столько лет не для того, чтобы снова кому-то отдать.

- Тогда хотя бы фотографию рисунка?

Она подумала и кивнула. Я сфотографировала конверт с красными наушниками, не трогая его руками.

- Вы знаете других женщин? - спросила я.

- Нет.

- Он говорил о других?

Софья посмотрела в сторону стойки. Официантка собирала чашки, студенты ушли, на их столе осталась пустая тарелка.

- Иногда, - ответила она.

- Что говорил?

- Что женщины думают, будто их слова принадлежат им.

Что это детская привычка.

- Еще?

- Однажды я отказалась отвечать. Он сказал, что раньше тоже знал женщину, которая решила сопротивляться.

Софья встала, надела пальто и взяла сумку.

- Что с ней случилось? - спросила я.

Она застегнула верхнюю пуговицу.

- После этого она сгорела в студии.

Глава 10. Голос на пленке

На станцию я вернулась раньше, чем обещала Нелли.

Она увидела меня через стекло приемной, встала и вышла в коридор.

- Все нормально?

- Нет. Но я цела.

- Это уже хороший уровень нормы для сегодняшнего дня.

Я показала ей фотографию конверта с красными наушниками. Нелли перестала улыбаться.

- Такой же рисунок?

- Не такой же, как наушники в студии. Но цвет и смысл слишком похожи.

- Она отдала диск?

- Нет. И правильно сделала.

- Почему правильно?

- Потому что она не обязана снова отдавать свою запись людям, которые обещают разобраться.

Нелли кивнула, хотя было видно, что ей хотелось услышать диск и проверить все самой.

- Жанна у Артемия, - сказала она. - Он просил вас найти, как только вернетесь.

- Что-то случилось?

- Он сказал, что нашел голос.

В монтажной было душно. Артемий сидел перед ноутбу-

ком, Жанна стояла у него за спиной с чашкой кофе. На столе лежала кассета в прозрачном пакете, рядом флешка и лист с отметками времени.

- Софья узнала Олега, - сказала я с порога.

Жанна медленно поставила чашку.

- Точно?

- Она встречалась с ним больше десяти лет назад. Он использовал ее доэфирный разговор, смонтировал признание в измене и заставлял повторять интимные фразы по телефону.

- Господи.

- Денег не просил. Встреча была одна. Она сохранила конверт с диском.

Я показала фотографию. Артемий приблизил изображение пальцами.

- Это не логотип "Резонанса", - сказал он.

- Я знаю.

- Но рисунок сделан человеком, который хотел, чтобы его запомнили.

- Или чтобы запомнили не его, а наушники.

Жанна села на свободный стул.

- Софья готова говорить еще?

- Не знаю. Сегодня она сказала достаточно.

- А что про пожар?

Я рассказала последнюю фразу. Жанна выругалась тихо и без изобретательности. Артемий снял очки, протер их краем рубашки и снова надел.

- Теперь вы, - сказала я. - Нелли сказала, что вы нашли голос.

- Нашел вероятный исходный порядок нескольких фрагментов, - ответил он. - И запись для сравнения.

- Ирину?

- Да.

Он открыл второй файл. Из динамиков зазвучала женщина, объявлявшая песню на старом городском концерте. Голос был яркий, с певческой растяжкой гласных и легкой хрипотцой. Я уже слышала ее на кассете, но чистая архивная запись убирала сомнение.

- Это Ирина Ракитина, - сказал Артемий. - Запись подписана, дата подтверждена программой концерта.

- Милена похожа на нее, - произнесла Жанна.

- Голосом, - уточнил он. - Не один в один, но родство слышно.

Я села рядом с Артемием.

- Что вы восстановили?

- Не все. И это не оригинал в строгом смысле. Я собрал куски, которые записаны в одной комнате, с одинаковым фоном и положением микрофона. Между ними есть чужие вставки и перезаписанные места.

- Покажите.

- Сначала предупрежу. Начало интимное.

- Я знаю.

- В восстановленном порядке оно звучит иначе.

- Включайте.

Артемий нажал клавишу.

Сначала послышалось дыхание. Не театральное, не похожее на актерскую запись. Женщина была близко к микрофону и говорила тихо:

- Мне нравится, когда ты слушаешь.

Олег ответил что-то неразборчиво. Ирина засмеялась.

- Нет, не так. Я не буду говорить твоими словами.

Пауза. Шорох ткани.

- Я звучу только для тебя, - произнесла она, но фраза закончилась смешком. - Доволен?

Голос Олега был моложе, чуть выше, однако я узнала его без труда.

- Еще раз. Без смеха.

- Ты невозможный.

- Зато ты красивая, когда стараешься.

Ирина повторила фразу. На этот раз медленнее. Потом звук оборвался, но Артемий не остановил воспроизведение. Через короткий провал голос женщины вернулся уже другим. Не мягким, не игривым.

- Выключи.

- Почему?

- Потому что я сказала выключить.

- Ира, не начинай.

- Я видела кассеты.

На записи что-то стукнуло. Возможно, Ирина коснулась

стойки или попыталась забрать микрофон.

- Какие кассеты? - спросил Олег.

- Не делай из меня дуру. Женщины говорят тебе одно, а потом на пленке получается другое. Ты вырезаешь вопросы. Переставляешь ответы. Оставляешь только то, что тебе нравится.

- Ты опять драматизируешь.

Я посмотрела на Жанну. Она услышала то же слово, которым Олег вчера описал Ирину.

На пленке Ирина заговорила громче:

- Я слышала запись Лены. Она не признавалась, что спала с тобой. Ты собрал это из разных разговоров.

- Тише.

- Боишься, что кто-то услышит?

- Я не боюсь.

- Тогда выключи запись.

- Она уже выключена.

Ирина коротко рассмеялась.

- Нет. Красная лампочка горит.

Дальше пошел шум, затем фраза, которую я слышала раньше:

- Олег, пожалуйста. Не надо это сохранять.

В исходной версии после нее он спокойно отвечал: "Скажи правильно, и выключу". Теперь между фразами слышался разрыв. Артемий остановил запись.

- Значит, просьба была не частью игры, - сказала Жанна.

- Похоже, что нет, - ответил он.

- А его ответ?

- Записан в другой момент. Фон комнаты отличается. Возможно, даже в другой день.

Я смотрела на дорожку на экране. Ровные полосы, пики, провалы. Ничего похожего на человеческое лицо. Олег мог взять просьбу женщины не сохранять запись и поставить рядом фразу так, чтобы просьба превратилась в продолжение возбуждения.

- Включите дальше, - сказала я.

Артемий посмотрел на меня.

- Там мало.

- Все равно.

Он продолжил.

- Ты записываешь женщин без их согласия, - сказала Ирина. - А потом делаешь из их слов то, чего они никогда не говорили.

- Никто не заставляет их говорить.

- Ты заставляешь их бояться.

- Я никому не угрожаю.

- Тебе не нужны деньги. Тебе нужно, чтобы они слышали себя своими ушами и перестали понимать, где правда.

Голос Олега стал холоднее:

- Уходи.

- Сначала отдай записи.

Дальше пленка была стерта. Несколько секунд шел пустой

фон, потом начиналась знакомая смонтированная версия.

Артеми́й выключил звук.

В комнате никто не говорил. За дверью прошла Нелли, ее шаги были слышны в коридоре, затем исчезли.

- Она знала, - произнесла Жанна.

- Да, - сказал Артеми́й.

- И после этого сгорела.

- Мы пока не знаем, связано ли это.

Жанна резко повернулась к нему.

- Софья сказала...

- Софья повторила слова человека, который мог специально пугать ее старой трагедией. Это важно, но не доказывает причину пожара.

- Ты всегда такой спокойный?

- Нет. Иногда я сначала делаю глупость, потом объясняю ее спокойным голосом.

Жанна потерла лоб.

- Простите. Я не на вас злюсь.

- Я понял.

Мне хотелось спросить, почему Ирина не пошла к руководству, почему не забрала записи, почему осталась одна в студии. Потом я вспомнила Софью, которая больше десяти лет хранила диск и боялась отдать его даже мне. Страх редко выбирает поступок, который будет понятен постороннему человеку много лет спустя.

- Есть еще что-то? - спросила я.

Артемий не ответил сразу.

- Есть.

Он открыл новый файл.

- Когда я убирал поздние вставки, под одним фрагментом осталась слабая копия другой записи. Скорее всего, кассету использовали повторно или переносили звук с аппарата, где уже стояла другая пленка. Слой почти стертый, но голос читается.

- Чей?

Он посмотрел на меня.

- Ваш.

Я не поняла.

- Мой голос на кассете Ирины?

- Молодой голос. Послушайте.

Из динамиков пошел шорох. Потом я услышала себя:

- Да, я тебя слышу.

Четыре слова. Голос был выше, быстрее, с той старательной округлостью, от которой я избавлялась первые годы работы. Я сразу узнала его. Так я говорила в начале эфира, когда боялась показаться провинциальной и слишком молодой.

- Еще раз, - попросила я.

Артемий включил.

- Да, я тебя слышу.

За моей фразой едва различимо звучал мужской голос. Олег. Слова разобрать было невозможно.

- Откуда это? - спросила Жанна.

- Из эфира, вероятно, - сказал Артемий. - Голос обработан телефонным фильтром, а под ним есть слабый музыкальный фон.

- Я говорила с Олегом в эфире?

- Возможно.

- Я не помню.

- Это было давно.

- Я должна была помнить разговор с мужем.

Жанна покачала головой.

- Лариса, ты за двадцать с лишним лет говорила в эфире с половиной города. Олег иногда звонил, когда мы делали ночные темы.

- Но зачем моя фраза на ее кассете?

Артемий увеличил участок дорожки.

- Она могла оказаться там случайно. Пленку перезаписывали, старый слой проступил. Но рядом есть несколько точных склеек. Кто-то работал с вашим голосом и голосом Ирины на одном носителе.

- Олег.

- Вероятнее всего.

- Не говорите "вероятнее всего". Кассета была в его коробке. На ней его голос. Он спорит с Ириной о записях.

- Я не защищаю его.

- Тогда почему вы каждый раз оставляете ему выход?

Артемий отодвинулся от стола.

- Потому что если мы решим все заранее, то начнем слы-

шать только то, что подтверждает решение. Ваш муж умеет монтировать. Не стоит помогать ему, монтируя собственные выводы.

Я встала так резко, что стул ударился о стену.

- Прекрасно. Значит, я опять должна быть разумной.

- Нет.

- Все вокруг очень ценят мою разумность. Олег рассчитывает, что я не устрою сцену. Полина рассчитывает, что у родителей все будет хорошо. Слушательницы рассчитывают, что я не растеряюсь. Теперь вы рассчитываете, что я аккуратно разложу по папкам голос мертвой женщины, свой голос и мужа, который записывал нас обоих.

- Я ни на что от вас не рассчитываю.

- Удобно.

- Лариса.

Он произнес мое имя без упрека. Я отвернулась к стене. На ней висела пробковая доска с расписанием юбилейных записей, двумя кнопками и запиской: "Не выключать вентиляцию". Обычная, нелепая подробность удержала меня от слез ровно на несколько секунд.

Потом я заплакала.

Не громко. Слезы просто потекли, и я не успела придумать, что с ними делать. Жанна встала, но Артемий жестом остановил ее. Не потому, что имел больше прав меня утешать. Он находился ближе.

- Можно? - спросил он.

Я кивнула.

Артемий взял меня за руку. Не обнял сразу, не потянул к себе. Его ладонь была теплой, пальцы сухими. Я сжала их сильнее, чем собиралась.

- Я слышала ее, - сказала я. - Не тогда. Сейчас. И ничего не могу для нее сделать.

- Сейчас уже можете.

- Что?

- Не дать этой записи исчезнуть.

- Она все равно умерла.

- Да.

Он не стал говорить, что правда обязательно все исправит. За это я была ему благодарна.

Жанна тихо вышла из монтажной, прикрыв дверь. Я заметила это и не остановила ее.

Артемий стоял рядом. От него пахло кофе и холодным воздухом с улицы. Я подняла лицо. Между нами оставалось так мало места, что я увидела мелкую царапину на оправе его очков.

Он смотрел на меня не как на ведущую, которой нужно помочь собраться. И не как на жену другого мужчины, которую следует оставить в покое из вежливости. В его взгляде было желание, спокойное и вполне телесное.

Я почувствовала ответное.

Это испугало сильнее, чем должно было.

Я отступила и вытерла щеки ладонями.

- Простите.

- За что?

- Я не могу.

- Хорошо.

- Мой брак...

- Я понял.

- Нет. Я сама пока не поняла. Я злюсь на Олега, боюсь его, не верю ему. И все равно возвращаюсь домой.

Артемий отпустил мою руку.

- Тогда сейчас не нужно ничего решать.

- Вы всегда так легко отступаете?

- Нет. Просто не хочу, чтобы однажды вы услышали эту минуту иначе, чем она была.

Я невольно посмотрела на кассету.

- Это очень профессиональная попытка соблазнения.

- Ужасная, - согласился он. - Я надеялся на лучшее.

Я рассмеялась сквозь остаток слез. Напряжение не исчезло, но стало переносимым.

- Вы сказали, под моим голосом есть музыка, - напомнила я.

- Да.

- Можно понять, из какого эфира?

- Попробую. Нужны старые записи передачи и журналы вещания.

Жанна вернулась, будто ждала за дверью именно этого вопроса.

- Журналы есть, - сказала она. - Не все, но пожарный год точно сохранили. После проверки бумаги никто не решался выбрасывать.

Мы провели в архиве больше двух часов. Жанна приносила коробки, я просматривала подписи, Артемий слушал короткие фрагменты старых программ. Мой молодой голос возникал то в заставке, то в рекламе, то в разговоре с человеком, имя которого я давно забыла.

Музыкальный фон оказался частью старой заставки "После десяти". Ее использовали недолго, всего несколько месяцев. Это сузило поиск.

Потом Артемий нашел совпадение.

На архивной записи я объявляла ночную тему, принимала два звонка и перед рекламой говорила:

- У нас на линии Олег. Добрый вечер. Ты меня слышишь?
Мужской голос отвечал через телефонный фильтр:
- Слышу, Лара. Я дома.

Дальше мы говорили о страхе перемен. Олег шутил, что человек привыкает даже к скрипучей двери, если она ведет в знакомую комнату. Я смеялась. Разговор длился меньше трех минут.

Я не помнила его.

- Это тот фрагмент? - спросила Жанна.

- Да, - сказал Артемий. - Спектр и фон совпадают.

- Какая дата?

Жанна посмотрела в бумажный журнал и замолчала.

- Что? - спросила я.

Она повернула книгу ко мне. Рядом с датой стояла карандашная пометка: "Пожар. Старая студия".

Артемий снял наушники.

- Ирина погибла в ту ночь, когда вы вели прямой эфир, а Олег якобы звонил вам из дома.

Глава 11. Чужое алиби

- Поставьте еще раз, - сказала я.

Артемий не стал спрашивать, зачем. Он вернул запись на несколько секунд назад, и из старых динамиков снова прозвучал мой молодой голос:

- У нас на линии Олег. Добрый вечер. Ты меня слышишь?

После короткого треска ответил муж:

- Слышу, Лара. Я дома.

Я смотрела не на экран, а на бумажный журнал вещания. Карандашная пометка "Пожар. Старая студия" была выведена чужой рукой, но почему-то казалась свежей, будто ее написали при мне и сейчас стряхнут с бумаги серую пыль.

- Он был дома, - сказала Жанна.

- Я так говорила.

- Нет, Ларис. Ты тогда всем это говорила.

Артемий остановил запись.

- Здесь есть разрыв.

Он увеличил дорожку. Для меня она оставалась полосой с неровными зубцами, как кардиограмма человека, которого я никогда не знала живым. Артемий показал курсором место перед ответом Олега.

- Вот. Фон студии идет ровно, потом на долю секунды меняется шум телефонной линии. Нормальный слушатель не услышит. В эфире тем более. Но если сравнить с вашим во-

просом, видно, что ответ вставлен.

- Заранее записан?

- Похоже на то. Ваш вопрос живой, в потоке эфира. Ответ Олега - из другого фрагмента.

Жанна села на край стола.

- То есть он мог в это время быть где угодно.

Артемий не стал произносить слово "да". Он просто снял наушники и положил их рядом с журналом.

Я вспомнила ту ночь не сразу. Сначала пришли не события, а мелочи: запах мокрой шерсти от пальто слушательницы, которая прибежала к нам после эфира с благодарностью; красные глаза Савелия Крылова; чай в бумажном стаканчике, такой горячий, что я обожгла язык и потом два дня шепелявила на согласных. Потом я вспомнила Олега. Он приехал утром, в светлой куртке, с лицом человека, который всю ночь не спал, но держится ради других.

- Ты говорил со мной, - сказала я тогда.

- Конечно, - ответил он. - Я же обещал не ложиться, пока ты не закончишь эфир.

Я поверила не потому, что была глупой. Я поверила потому, что слышала его собственными ушами.

- После пожара я дала объяснение, - сказала я. - Неофициальное. Всем, кто спрашивал. Савелию, милиции, руководству. Я сказала, что Олег звонил мне в эфир из дома.

Жанна закрыла глаза.

- И я это подтвердила.

- Ты?

- Я слышала звонок из аппаратной. Не весь разговор, кусок. Тогда никто не думал проверять каждую секунду. Пожар, паника, архив залит водой, люди бегают, Савелий орет на всех, что доступ в серверную запрещен.

- Почему логи не подняли?

Жанна открыла глаза.

- Потому что Савелий сказал, что часть системы сгорела вместе со старым узлом связи. И еще потому, что он был тогда главным по технике, а мы с тобой были девочками с микрофонами, которые умели держать эфир, но плохо понимали, как выглядят настоящие служебные журналы.

- Ты ему верила?

- Я верила, что взрослые мужчины с ключами знают, что делают.

Она сказала это сухо, почти зло. Не на меня. На ту себя, которая когда-то приняла чужую уверенность за порядок.

- Савелий сейчас на станции? - спросила я.

- Нет. Уехал на объект. Вернется к вечеру.

- Удобно.

- Очень.

Артемий снова включил короткий фрагмент. Мой вопрос. Ответ Олега. Три минуты разговора о страхе перемен. Мы звучали как молодая семейная пара, которой приятно подмигнуть друг другу через эфир. Ничего особенного. Никакой грозной музыки под словами, никакой трещины в голо-

се.

От этого было хуже.

Если бы запись сразу выдавала ложь, я могла бы обидеться на себя за невнимательность. Но она была хорошей. Теплой. Почти нежной. Олег умел подделывать не только слова. Он умел подделывать домашний свет вокруг них.

- Я хочу копию, - сказала я.

- Уже делаю, - ответил Артемий. - На два носителя. Один останется здесь, второй лучше хранить не на станции.

Жанна посмотрела на дверь.

- У меня дома есть сейф. Маленький, для документов. Купила после развода, когда бывший решил, что свидетельство о браке тоже совместно нажитое.

- Он забрал свидетельство?

- Нет. Паспорт от микроволновки. Но идея была богато оформлена.

Я неожиданно улыбнулась. Нервно, коротко. Жанна умела вернуть обычную жизнь туда, где ей, казалось бы, нечего было делать.

Телефон на столе завибрировал. Нелли прислала сообщение: "Олег внизу. С цветами. Я не шучу".

Я прочитала вслух.

Жанна выругалась уже с фантазией.

- Какие цветы? - спросил Артемий.

- Не знаю.

Почему-то это стало важным. Розы были бы одной верси-

ей. Хризантемы - другой. Олег редко покупал букеты без повода. Он предпочитал приносить домой базилик в горшке, хорошую рыбу или новый фильтр для воды. Цветы он считал слишком громким жестом, если только громкость не была нужна.

Мы вышли в коридор.

Олег стоял у лестницы с букетом белых тюльпанов. В конце октября они выглядели не романтично, а дорого и немного не к месту, как летняя обувь на мокром тротуаре. На нем было темное пальто, серый шарф и перчатки из тонкой кожи. Никакой растерянности, никакого жалкого вида. Мужчина, который приехал не оправдываться, а привести ситуацию в удобную форму.

- Лара, - сказал он. - Я хотел поговорить.

- Мы уже говорили.

Его взгляд скользнул к Артемию, задержался на Жанне и вернулся ко мне.

- Не в коридоре.

- Здесь хорошая акустика, - сказала Жанна. - Все сразу честнее звучит.

Олег улыбнулся ей так, будто оценил шутку.

- Жанна, я рад, что вы рядом с Ларисой.

- А я пока не решила, рада ли, что вы рядом с нами.

Он не ответил. Протянул мне букет. Я не взяла.

- Зачем цветы?

- У тебя тяжелые дни.

- Как внимательно.
- Я не хочу воевать.
- Тогда не надо было начинать с Милены в студии.

На его лице ничего не дрогнуло. Только пальцы чуть сильнее сжали бумагу букета.

- Я сделал много глупого, - сказал он. - Но сейчас пришел не за этим.

- А за чем?

- Юбилейный эфир переносят в старую студию на Портовой. Борис уже согласовал. Я хочу, чтобы ты вела его.

Жанна тихо спросила:

- С чего вдруг такая скорость?

- Подрядчики закончили основной зал раньше. Городская администрация хочет красивую историю к дате. Старое радио возвращается голосом Ларисы Веденеевой. Это сильный ход.

- Вы теперь рекламными слоганами разговариваете? - спросила я.

- Я разговариваю тем, что помогает станции выжить.

Артемий стоял чуть в стороне. Олег смотрел так, словно его не было, и именно поэтому я поняла, что он видел его очень хорошо.

- Мне нужно подумать, - сказала я.

- Конечно.

- И мне нужны все технические схемы эфира.

- Получишь.

Слишком быстро. Слишком гладко.

- А еще старые служебные логи пожарной ночи.

Олег поднял брови.

- Зачем?

- Юбилейный материал. Хочу знать, кто в ту ночь работал, что сохранилось, что сгорело. Мы же делаем честную историю.

Белые тюльпаны шелестнули в его руке.

- Лара, не стоит копаться в пепле ради красивой фразы.

- Я не ради фразы.

Он посмотрел на меня уже без улыбки. Недолго. Потом снова стал моим мужем, который умел говорить мягко при посторонних.

- Хорошо. Поговорим дома.

- Нет.

- Тогда где?

- Там, где разговор можно будет потом вспомнить без монтажа.

Жанна кашлянула. Артемий опустил взгляд, но я заметила, как у него дернулся уголок рта.

Олег протянул букет Нелли, которая как раз поднялась по лестнице и тут же пожалела об этом.

- Поставьте в воду, пожалуйста.

- Я оператор, не ваза, - сказала Нелли, но букет взяла.

Олег снова посмотрел на меня.

- Ты ведь выйдешь в эфир, Лара. Ты всегда выходишь, ко-

гда людям нужно услышать нормальный голос.

- А если я не захочу?

Он наклонился ближе, достаточно вежливо, чтобы это не выглядело угрозой.

- Тогда они услышат другой.

Глава 12. Дочь погибшей женщины

Милена нашлась на маленькой кухне первого этажа.

Она сидела у окна с бумажным стаканом и не пила. На ней была та же темно-зеленая блузка, в которой я видела ее перед тем ночным эфиром, только застегнутая теперь под самое горло. Волосы она убрала за уши. Без рабочих наушников и папки с письмами слушательниц Милена выглядела моложе и злее.

- Дверь открыта, - сказала она, не оборачиваясь.

- Я не стучала.

- Вы умеете входить так, что воздух меняется.

- Это комплимент?

- У вас сегодня день для комплиментов? Олег с цветами уже был?

Я подошла к столу напротив.

- Ирина Ракитина была твоей матерью.

Милена взяла стакан, посмотрела на крышку и поставила обратно.

- Вы быстро.

- Это не ответ.

- А что вы хотите? Чтобы я сказала "да, Лариса, я все это время скрывала от вас семейную трагедию, пока спала с вашим мужем"? Звучит некрасиво.

- Некрасиво уже было.

Она усмехнулась, но лицо осталось жестким.

- Да. Ирина была моей матерью.

Я села. На кухне пахло растворимым кофе, мокрой курткой Нелли и вчерашним лимоном, который кто-то оставил на блюде. Обычные запахи станции, где люди переживали чужие драмы между чайником и микроволновкой.

- Почему ты не сказала?

- В первый день? Когда вы учили меня отличать звонящую в панике женщину от женщины, которая уже все решила? Или позже, когда приносили мне чай и говорили, что в нашей работе важно не давить?

- Милена.

- Я пришла сюда не за чаем.

- За архивом.

Она наконец посмотрела на меня.

- Да.

- И за Олегом?

- Нет.

Ответ был быстрый. Слишком быстрый, но не фальшивый.

- Сначала не за ним, - добавила она. - Я хотела найти записи матери. Понять, что случилось. У нас дома о ней говорили так, будто она сама себя придумала и сама же сгорела от избытка характера. Бабушка хранила вырезки, фотографии, пару афиш. Никаких записей. Ни одного нормального голоса.

- И ты решила устроиться ко мне.

- К вам было проще попасть, чем в "Резонанс". Вы верили в молодых сотрудников, которым нужно дать шанс.

Она сказала это почти обвинительно.

- Я не извиняюсь за то, что верила тебе.

- А я не прошу.

Мы обе замолчали. За стеной кто-то включил принтер, он зажевал бумагу и возмущенно пискнул. Я подумала, что станция за последние сутки вела себя честнее многих людей: если ломалась, то хотя бы подавала сигнал.

- Когда Олег понял, кто ты? - спросила я.

Милена провела пальцем по краю стакана.

- Раньше, чем я хотела. Может быть, сразу. Я оставила фамилию, потому что устала прятать мать, а не потому что была осторожной.

- Он знал.

- Да.

- И все равно начал с тобой связь.

- Он не "начал связь", Лариса. Вы говорите так, будто мы подписали график встреч. Он подходил близко. Давал слушать старые джинглы. Рассказывал, что у меня голос не матери, но ее нервы. Потом однажды назвал меня Ирой.

Я почувствовала, как внутри неприятно сжалось.

- В какой момент?

- Не за столом переговоров.

- Понятно.

- Нет, не понятно. Он сказал это так, будто ошибся от желания. А я тогда решила, что он впервые потерял контроль.
- Ты хотела заставить его потерять контроль.
- Да.
- Через постель с мужем женщины, которая тебя учила работать?

Милена откинулась на спинку стула.

- Вот теперь вы звучите как надо.
- Как?
- Как жена.
- Я и есть жена. Это не болезнь, которую можно отменить знанием о твоей матери.

Ее взгляд дернулся.

- Я не думала о вас.
- Заметно.
- Думала. Но плохо. Удобно думала. Вы были голосом в старом эфире, который дал Олегу алиби. Потом вы стали человеком, который улыбается мне утром и говорит: "Не дави на героиню письма, дай ей самой услышать, что она сказала". Это плохо соединялось в одну женщину.

- И ты выбрала ту версию, с которой легче спать с моим мужем.

Милена резко встала. Стул скрипнул по плитке.

- Вы думаете, мне было легко?
- Нет. Я думаю, что тяжесть не делает поступок честным. Она отвернулась к окну. За стеклом темнел двор. У му-

сорных баков дворник собирал мокрые листья в мешок, и эта аккуратность почему-то казалась издевательской: во дворе можно было навести порядок за полчаса.

- Я хотела, чтобы он проговорился, - сказала Милена тише. - Чтобы сам сказал про мать, про записи, про пожар. Он любит, когда женщина рядом с ним становится... не знаю. Слишком настоящей. Злой, испуганной, голодной до ответа. Тогда он слушает иначе.

- И записывает.

Она не повернулась.

- Да.

- У тебя есть эти записи?

- Не у меня.

- У него?

- В "Резонансе". И в закрытой папке. Я нашла путь, но не смогла открыть все.

Милена достала из кармана сложенный листок и положила на стол. Не флешку, не эффектный ключ от сейфа. Обычный лист с адресом внутреннего сервера, логином и короткой пометкой: "только с рабочего аккаунта Л.В.".

- Что это?

- Папка проекта "Честный голос".

- Почему мой аккаунт?

- Потому что проект оформляют на вас. Лицо, авторская методика, согласие на обработку архивных материалов. Красивые слова. Юристы любят, когда грязные вещи лежат в чи-

стых папках.

- Я ничего не подписывала.
- Значит, подпишете. Или уже "подписали".

Она снова села и наконец сделала глоток давно остывшего кофе.

- Там есть файлы с именами. Ирина. Софья. Мое. Ваше тоже, кажется.

- Кажется?

- Я увидела только список. Потом доступ закрылся.

- Кто еще знает?

- Олег. Кто-то из технарей "Резонанса". Возможно, Борис знает часть, но делает вид, что это просто коммерческий архив.

- Жанна?

- Нет.

- Артемий?

- Вы правда думаете, что я пошла бы к вашему новому мужчине?

- Он не мой новый мужчина.

Милена усмехнулась, уже без прежней злости.

- Конечно. Он просто смотрит на вас так, будто вы не радиоведущая, а человек.

- Осторожнее.

- Я не про постель.

- А я про то, что ты снова пытаешься говорить обо мне вместо себя.

Она кивнула. Не смиренно. Скорее признала попадание.

- Хорошо. О себе. Я не прошу прощения. Пока не могу.

Если скажу сейчас, это будет способ купить у вас пять минут жалости.

- Я бы не продала.

- Знаю.

На моем телефоне загорелся экран. Сообщение от Жан-ны: "Ты где? Олег уехал. Нелли поставила тюльпаны в банку от печенья, выглядит как укор цивилизации".

Я поднялась.

- Если ты соврала насчет папки...

- Не соврала.

- Тогда вечером мы ее откроем.

- Не тяните. Они двигают проект быстро.

- Кто "они"?

- Олег не любит работать один. Но любит, чтобы потом все думали именно так.

Я взяла листок.

- Милена.

- Что?

- Мечь не оправдывает предательство женщины, которая тебе доверяла.

Она посмотрела на меня устало.

- А доверие не отменяет того, что эта женщина двадцать два года рассказывала всем удобную версию.

- Не отменяет.

- И что теперь?

- Теперь будем разбирать факты. Без союзниц, без дочерей погибших женщин, без обиженных жен. Факты.

- У вас получится?

- Не знаю.

Вечером мы с Жанной вошли в мой рабочий аккаунт из ее кабинета. Артемия я не позвала. Не из недоверия, а потому что слишком много мужчин уже слушали женские голоса без приглашения.

Папка открылась не сразу. Сначала система попросила подтвердить личность, потом прислала код на мой телефон, потом зависла на сером окне.

- Может, выкинуть ноутбук в окно? - предложила Жанна.

- У меня первый этаж, вреда мало.

- Подожди.

Экран мигнул.

В правом верхнем углу появилось уведомление: "Выполняется загрузка архива".

- Ты нажимала? - спросила Жанна.

- Нет.

Следом всплыло второе окно: "Вход с нового устройства. Подтвердить действие?"

Я не успела ответить. Курсор сам дернулся к кнопке "Да".

Жанна захлопнула крышку ноутбука ладонью.

- Вот теперь, Лариса, у нас появился факт.

Глава 13. Мой голос признается за меня

Ноутбук Жанны лежал закрытым, как пойманная мышеловка.

- Он сам нажимал, - сказала я.

- Не он. Скрипт, удаленный доступ, программа, очень умный дух бухгалтерии - мне все равно, как это называется. Главное, мы это видели.

Жанна говорила быстро, но не паниковала. Паника у нее обычно выражалась в том, что она начинала искать чай. Сейчас она смотрела на роутер, потом на розетку, потом на мой телефон.

- Интернет отключить?

- Уже.

Она выдернула кабель из настенного разъема.

- А теперь откроем снова?

- Без сети?

- Посмотрим, что успело загрузиться в кэш. Если ничего, будем звать Артемия и признавать, что две взрослые женщины умеют ловить только простуду и чужих мужей на горячем.

- Не смешно.

- Я знаю. Поэтому и говорю.

Она открыла ноутбук. Серое окно исчезло. На рабо-

чем столе появилась новая папка с сухим названием: "GV_consent_LV".

Я не сразу поняла буквы. Потом догадалась: "Голос", "согласие", "Лариса Веденеева". У Олега всегда была слабость к аккуратным названиям. Грязь в них выглядела рабочим процессом.

- Открывать? - спросила Жанна.

- Да.

Внутри лежали документы, таблица и аудиофайлы. Документы были оформлены почти красиво: логотип проекта "Честный голос", мое имя, должность, формулировки о "добровольном участии", "архивной ценности звонков" и "социальной миссии". Подписи не было. Вместо нее стояла пометка: "подтверждение голосом".

- Это что, теперь вместо ручки? - спросила Жанна.

- Если голос узнаваемый и человек публичный, можно убедить кого угодно, что он сильнее подписи.

- Не подсказывай мерзавцам.

Она открыла таблицу. В первой колонке шли женские имена. Не все настоящие, часть с псевдонимами из эфира: Софья Мельникова, "Снегирь", Ирина Ракитина, Милена Ракитина, Лена, Таисия, Аглая, Светлана. Рядом - даты передач, короткие пометки, тип носителя. "Доэфир". "Сырой звонок". "Личная встреча". "Повтор".

Я заставила себя не читать каждую строку. Если начать, можно было застрять на чужих бедах и забыть, что прямо

сейчас кто-то пытается сделать мою беду удобной обложкой для всех остальных.

- Вот, - сказала Жанна.

Она указала на файл с моим именем и сегодняшней датой.

Название было длинным.

"Vedeneeva_final_voice_confirm".

- Финальное, - сказала я. - Как мило.

- Не включай язву. Она сейчас тонкая.

Жанна нажала воспроизведение.

Сначала прозвучал мой вдох. Настоящий или собранный из десятка эфиров, я не поняла. Затем мой голос произнес:

- Я, Лариса Веденеева, подтверждаю, что архив звонков передачи "После десяти" сохранялся с моего ведома.

Я схватилась за край стола. Голос был мой. Нынешний. Низкий, привычный слушательницам, без молодой округлости. Я узнала даже небольшую хрипоту после ночного эфира.

- Стоп, - сказала Жанна.

- Нет. Дальше.

Она посмотрела на меня и не стала спорить.

Запись продолжилась:

- Все материалы использовались для подготовки социального проекта "Честный голос". Я осознанно собирала истории женщин, потому что знала: только честное признание помогает человеку выйти из круга лжи.

- Я никогда так не говорю, - сказала я.

- Знаю.

- "Круг лжи" - это не мое.

- Ларис, я знаю.

Но голос был мой. Убедительный. Теплый. Такой голос мог сказать слушательнице трудную вещь, и та не бросила бы трубку.

Я впервые за этот день испугалась не Олега, а себя на записи. Не потому, что поверила в признание. Потому что поняла, как мало нужно человеку, чтобы усомниться даже в собственной памяти, если ему включить знакомый тембр.

После фразы о проекте была пауза. Слишком длинная для документа и слишком короткая для случайности.

Потом прозвучал Олег.

- В прямом эфире ты скажешь это сама.

Жанна остановила файл.

В кабинете стало так тихо, что слышно было, как в коридоре Нелли разговаривает с кем-то по телефону и обещает перенести звонок на утро. Обычная работа продолжалась. Люди приносили тексты рекламы, ругались на микрофоны, забывали кружки у кулера. А у нас на столе лежал мой голос, который уже жил без меня.

- Это угроза, - сказала Жанна.

- Это репетиция.

- Тем более.

Она открыла следующий документ. Я успела заметить заголовок: "Паспорт участника проекта". Ниже стояло имя Милены Ракитиной. Должность: продюсер. Роль: координа-

тор архивного блока. В строке "связанные материалы" было написано: "Ирина Ракитина, мать, погибла в пожаре старой студии".

Жанна медленно отодвинулась от стола.

- Он внес это в рабочий документ?

- Или кто-то для него.

- Зачем?

Я прочитала строку ниже. "Нарратив: дочь жертвы участвует в восстановлении правды".

Мне захотелось закрыть документ, но я заставила себя дочитать до конца. Там было коротко и чисто расписано, как в юбилейном эфире проект получит "эмоциональное основание": ведущая, дочь погибшей женщины, архивные записи, общественная польза, коммерческая прозрачность.

Ни слова о том, что ведущая ничего не подписывала. Ни слова о том, что дочь погибшей женщины спала с мужем ведущей. Ни слова о том, что архив состоял из украденных звонков.

В хороших документах зло не кричит. Оно ставит галочки.

- Лариса, - сказала Жанна. - Это уже не семейная история.

- Она давно не семейная.

- Я про другое. Если это выйдет, тебя сделают лицом всего архива. Даже если потом докажем подделку, первое впечатление останется. Ты же знаешь людей.

Я знала. Голос в эфире доверяют быстрее, чем опровер-

жению внизу страницы.

Жанна открыла список файлов и выругалась.

- Что?

- Здесь есть Софья. Ирина. Милена. Еще десятки. Но часть помечена только номерами.

- Номера телефонов?

- Похоже.

Я подошла к окну. На улице уже стемнело. Внизу у входа в станцию стояла машина Олега. Я узнала ее по ровной полосе света на панели. Он не уехал далеко. Возможно, сидел внутри. Возможно, просто оставил машину, чтобы я ее увидела.

Телефон в моей руке завибрировал.

Сообщение от Олега: "Не открывай чужие файлы без меня. Ты можешь неправильно себя услышать".

Я показала Жанне.

Она прочитала, потом взяла мой телефон и положила экраном вниз.

- Я сейчас скажу вещь, за которую ты меня потом простишь.

- Говори.

- Не отвечай ему. Не объясняй. Не доказывай. Он ждет твоего голоса.

- Моего текста ему тоже достаточно.

- Тогда не давай и текста.

Я кивнула.

Мы скопировали папку на чистую флешку Жанны, потом

еще на старый внешний диск, который она держала для архивов передачи. Она написала на бумажном конверте "яблочный пирог" и спрятала диск внутрь.

- Серьезно?

- Если у меня дома кто-то будет искать компромат, пусть сначала разберется с рецептами.

Мне снова захотелось смеяться, но не получилось.

В дверь постучали.

Мы обе вздрогнули.

- Кто? - спросила Жанна.

- Это Милена.

Жанна посмотрела на меня. Я открыла дверь.

Милена стояла в коридоре без пальто, хотя внизу от входа тянуло холодом. В руках она держала красные студийные наушники. Не новые, не те, что были в реквизите. Старые, с потертыми амбушюрами.

- Он знает, что вы вошли в папку, - сказала она.

- Откуда у тебя это?

Милена посмотрела на наушники так, будто они были не предметом, а чужой рукой на ее шее.

- Из его комнаты. И там таких не одна пара.

Жанна тихо закрыла ноутбук.

- Проходи.

Милена не двинулась.

- Нет. Я ненадолго. Вы должны знать: в документах я указана не только как продюсер.

- Мы видели.

Она побледнела.

- Там написано про маму?

- Да.

Милена закрыла глаза. На секунду я увидела не любовницу мужа и не хитрую девочку с планом, а женщину, у которой чужой человек снова забрал мать и поставил ее в презентацию.

- Значит, он уже подготовил сцену, - сказала она.

- Для кого?

Милена открыла глаза.

- Для вас. Для меня. Для нее. Он любит, когда все голоса на месте.

Глава 14. Никаких союзниц

С Миленой мы договорились встретиться не на станции.

Она предложила кафе у набережной, я отказалась. Слишком много стекла, слишком много чужих телефонов на столах. Я выбрала старую пельменную в переулке за телеграфом. Там днем пахло уксусом, тестом и мокрыми пальто, а радио над раздачей хрипело так, что ни один звукорежиссер добровольно не стал бы там подслушивать.

Милена пришла без опоздания. В черном пальто, с шарфом, намотанным почти до подбородка. Красные наушники она не принесла, и я была ей за это благодарна.

- Серьезное место, - сказала она, оглядев пластиковые подносы.

- Здесь никто не изображает интимную атмосферу.

- Вы думаете, я ее сейчас ищу?

- Я не знаю, что ты ищешь. Поэтому мы здесь.

Мы взяли чай в толстых стаканах и по порции пельменей. Есть я не хотела, но пустой стол делает разговор похожим на допрос. А мне нужен был не допрос. Мне нужны были факты, которые потом не рассыплются от первого вопроса.

Милена сняла пальто. На ней был простой серый свитер, без той нарочитой аккуратности, с которой она обычно появлялась на планерках. На запястье виднелся след от резинки для волос.

- С чего начать? - спросила она.

- С первой встречи с Олегом не на работе.

Она усмехнулась.

- Вы уверены, что хотите подробности?

- Я хочу понять порядок.

- Порядок был рабочий. Сначала юбилейный проект. Он пришел к нам на летучку, говорил о старой студии, о городе, который должен помнить собственный голос. Борис млел. Жанна делала вид, что ей не нравится, но уже считала эфирную сетку. Вы задавали нормальные вопросы. Я сидела и думала: вот он, человек, который был рядом с моей матерью перед смертью, а все слушают его как спонсора культуры.

- Ты уже знала, что он работал с Ириной?

- Да. По старым афишам, фотографиям, обрывкам разговоров. Но я не знала, сколько между ними было. Бабушка говорила, что мама связалась с красивым негодяем из аппаратной. Потом замолкала.

- И ты решила стать продюсером моей передачи.

- Я уже работала на станции. Но да, я просилась ближе к вам. Через вас легче было попасть в архив.

- Почему не через Савелия?

- Савелий боял

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.